

Обществознание большинства

15.

Периодическое издание
Обществознание большинства. Выпуск 15. — М.:
Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет). Февраль 2016. 76
с.

Общее руководство изданием - Б.В.Ракитский

***Коллегия главных редакторов
отдельных выпусков:
М.Д.Мандель
Б.В.Ракитский***

**Главный редактор выпуска №15
Б.В.Ракитский**

© Авторы статей

© Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет), 2016

Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет)
Россия 119361 Москва Озёрная улица 25 - 287
E-mail university-w@yandex.ru; brakitskiy@yandex.ru
Сайт ШТДР www.shkolatd.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА 15

Материалы эвристического симпозиума **«Обществознание большинства»**

<i>«Первый ряд» (первый список) проблем, предлагаемых Школой трудовой демократии имени Г.Я. Ракитской (ШТДР) как повестка дня Первого заседания эвристического симпозиума «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА»</i>	4
Материалы для дискуссии по проблеме ПЕРВОЙ	13
Материалы для дискуссии по проблеме ЧЕТВЁРТОЙ	36
Материалы для дискуссии по проблеме ПЯТОЙ	41

МАТЕРИАЛЫ ЭВРИСТИЧЕСКОГО СИМПОЗИУМА «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА»

=====

**«Первый ряд» (первый список) проблем,
предлагаемых Школой трудовой демократии
имени Г.Я. Ракитской (ШТДР) как повестка дня
Первого заседания эвристического симпозиума
«ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА»¹**

**Перечень первоочередных проблем
(перечень открыт для критики и корректировки)**

ПРОБЛЕМА ПЕРВАЯ

***Характер (тип) народно-демократического
движения за освобождение от эксплуатации и
угнетения. Круг участвующих и доминирующих в
нём социальных сил (движений)***

ПРОБЛЕМА ВТОРАЯ

***Состояние современного рабочего движения и
демократического рабочего движения и их
перспективы***

ПРОБЛЕМА ТРЕТЬЯ

***Цели и идеи современного народно-демократиче-
ского движения за освобождение от эксплуатации и
угнетения. Место и роль социалистической идеи.***

ПРОБЛЕМА ЧЕТВЁРТАЯ

Реабилитация социализма как идеологии

ПРОБЛЕМА ПЯТАЯ

***Инвентаризация идейного арсенала марксизма и
марксизма-ленинизма (живое и мёртвое в марксизме)***

¹ Для удобства воспроизводим этот документ симпозиума, напечатанный в выпуске 14 периодического издания «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА»

**Предлагаемые ШТДР
постановки и комментарии проблем
(приветствуется конструктивная критика)**

ПРОБЛЕМА ПЕРВАЯ

Характер (тип) народно-демократического движения за освобождение от эксплуатации и угнетения. Круг участвующих и доминирующих в нём социальных сил (движений)

А. Две характеристики освободительного движения кажутся само собою разумеющимися. Это самоосвобождение и его революционный характер. В реальной истории к этому пришли не сразу. Уместно было бы припомнить, как складывалась идеология освобождения от эксплуатации и угнетения хотя бы в XIX веке. Это полезно для отхода от схем, от мыслительных шаблонов.

Новые времена и новые условия жизни в мире заставляют заново задаться вопросом о характере движения за освобождение от эксплуатации и угнетения. Два аспекта по-прежнему остаются решающими:

- состав участвующих и доминирующих социальных сил и
- реальные и допустимые (приемлемые) способы (пути, средства) достижения целей.

Уже XIX век дал примеры интернационального участия в революциях. Идеи внешней помощи соседствовали и боролись с идеями отрицания «экспорта революции». XX век породил разнообразные формы «внешнего инициирования», «внешнего участия» и «внешнего влияния» на революционные процессы в виде «братской помощи», интернационального долга, добровольцев, ополченцев, «казаков» и т.п. В том же веке на виду у всего мира и без его вмешательства (ради уважения «суверенитета») творили свой геноцид сталинский и полпотовский кровавые режимы.

Нельзя ли и не следует ли революционерам перейти от ставших абстрактными представлений о самоосвобождении от гнёта и эксплуатации к более современным конкретно-историческим представлениям о революциях и народно-освободительных движениях? Прежде всего, требуется, как нам представляется, осмыслить геополитический контекст революций и освободительных движений и состав геополитических сил, реально включённых в революции и освободительные движения.

С этой точки зрения актуальна проблематика «цветных революций» и других форм активного «внешнего инициирования»,

«внешнего вмешательства» и «внешнего влияния». Не исключено, что целесообразно будет принципиально отличать ситуации антитоталитарных и антиимперских революций и движений от ситуаций инициирования, вмешательства и влияния внешних сил на процессы в странах, имеющих гражданское общество (то есть реальное разнообразие социальных субъектов и наличие реальной политики).

Б. Проблема движущих социальных сил была и остаётся центральной проблемой научного обществознания. Относительно революционных и народно-освободительных сил в современных обществах проблема эта стоит как никогда остро.

Будем (можно) исходить из того, что любая идеология (в том числе и любая идеология самоосвобождения от эксплуатации и угнетения) становится научной только тогда, когда научно строго обосновывается состав социальных сил, способных практически-исторически осуществить социальный идеал. Соответственно, идеология перестаёт быть научной, как только обоснование состава революционных и освободительных сил становится нестрогим, недостоверным, устаревшим, не соответствующим конкретной исторической реальности.

Принято считать, что социализм как идеология превратился из утопии в науку, когда К.Маркс и Ф.Энгельс обосновали революционную потенцию (историческую миссию) рабочего класса. Пролетарский социализм стал первой научной социалистической идеологией.

Остаётся ли рабочий класс в современных условиях и в перспективе той социальной силой, которая способна совершить самоосвобождение труда от эксплуатации? Вопрос архисерьёзный. Догматики от марксизма-ленинизма не допускают даже мысли о такой постановке вопроса. Отсюда всевозможные выверты-инновации в трактовках рабочего класса (пролетариата).

Следовало бы проэкспертировать с научной строгостью следующие постановки, трактовки и выводы:

1. Логика и содержание обоснования исторической освободительной миссии рабочего класса в классическом марксизме (ретро-марксизме).

По сравнению с классическим марксизмом что добавил и что принципиально изменил марксизм-ленинизм в представлениях об исторической освободительной миссии рабочего класса?

2. Степень научной строгости учения классического марксизма об исторической освободительной миссии рабочего класса и — особенно — степень соответствия этого учения конкретно-историческим условиям. Каковы исторические границы, в которых это учение носит научный характер (то есть адекватно

конкретно-историческим условиям своего реально возможного успешного практически-исторического применения)?

Те же проблемы о степени научной обоснованности и строгости и степени соответствия конкретно-историческим условиям уместно поставить и относительно марксизма-ленинизма.

3. Правомерно ли искать решение проблемы о движущих силах социалистических революций и освободительных движений в новых трактовках «пролетариата» (методом включения в него то эксплуатируемой интеллигенции, то ещё каких-либо социальных групп)? Или такой подход в принципе (по своей сути) есть всего лишь уход от проблемы, догматическое напёрсточничество?

4. Классический марксизм (включая и В.И.Ленина) не оставил нам научно строгой и полной разработки теории общественных классов и рабочего класса в том числе. Научно строго выявлена К.Марксом лишь особенность социального типа работника индустриальной эры — рабочего. Но рабочий класс — вовсе не сумма всех рабочих. То, что отличает рабочий класс от суммы рабочих, осталось в марксизме не изученным научно. Это огромный пробел в социалистической идеологии и в научном социализме. Учение о революционном классе, похоже, ещё предстоит выработать.

5. Требуется достаточно глубокое и современное учение о социальной структуре обществ (и особенно современных обществ).

6. Исходя из новых учений о революционных классах и о социальной структуре современных обществ, целесообразно определить свойства класса (классов), способных в современном мире победоносно бороться за освобождение от эксплуатации и угнетения.

Речь идёт о «научном портрете» новой революционной силы, притом о целостном представлении о таком классе.

Стоит подчеркнуть, что социалистическая научная мысль привыкла искать (выявлять) такую силу из числа наличествующих в обществе. В своей основе такой подход, скорее всего, не может быть отброшен. Но только в своей основе, то есть в том смысле, что существует тесная связь между конкретно-историческими условиями общественной практики, типом социальных сил и типом идеалов, получающих массовое распространение (идеологий). Однако научные представления о формировании класса-революционера (например, класса капиталистов или того пролетариата, который способен совершить социалистические преобразования в их необходимом и достаточном объёме) до сих пор крайне неразвиты и недостоверны.

Весьма вероятно, что реального класса-революционера как социальной силы в обществе в настоящее время нет. Ещё более

вероятно, что его нет «в готовом виде», что он покуда имеется и зреет как потенция.

Представляется, что формирование класса-революционера для программы социалистической революции следует рассматривать более глубоко и содержательно, нежели это сделано в классическом марксизме. Доказано, что в XIX веке появился индустриальный тип работника — рабочий. Что такое рабочий класс, доказано слабо, если вообще доказано. Что такой рабочий класс как класс-революционер, — не доказано, теоретически не выстроено, в лучшем случае кое-что фрагментарно выхвачено на основе революционных действий этого класса.

Всё это надо научно проработать и применительно к истории XIX – XX веков, и применительно к нашему веку. Повторю, весьма вероятно, что реального класса-революционера как социальной силы в обществе в настоящее время нет. И уж точно нет в «готовом виде».

Тогда правомерно ставить проблему формирования такой революционной силы целенаправленными усилиями трудящихся и эксплуатируемых. Постановка эта не бесспорная, но и не бредовая. Прорыв в социалистический вариант будущего оказался много сложнее, чем представлялся идеологам социализма в XIX веке (о XX веке и говорить нечего: здесь за социализм многие приняли его антипод — тоталитарный строй).

7. Понятие «класс-революционер» — в общем-то синоним понятия «доминирующая революционная сила» данного общества. Однако в обществе имеются и действуют и иные социальные силы, часть из них позитивно участвует в революциях и освободительных движениях. Расстановка и соотношение социальных сил в современных обществах также нуждается в научно строгом изучении. Вокруг этой проблематики много легковесных и умозрительных суждений и выдумок (болтовни, «дискурсов»), мало выверенного, обоснованного, достоверного.

ПРОБЛЕМА ВТОРАЯ

Состояние современного рабочего движения и демократического рабочего движения и их перспективы

Современное состояние демократического рабочего движения таково, что уместно применить (на выбор) одну из двух обобщающих оценок: «оно скорее есть, чем его нет» и «его скорее нет, чем оно есть». Именно такое обескураживающее его состояние заставляет так называемых левых впадать в натужное бодрчество и декларировать желаемое как действительное.

Пора и практически необходимо оценить реальное состояние трудящегося и эксплуатируемого народа, уяснить особенности его массового общественного сознания; уровни распространённости тех или иных его представлений о своём социальном положении, о своих перспективах; спектр его ожиданий; представлений о реально возможном; о готовности к активному социальному действию; представлениях о достойных и недостойных, о допустимых и недопустимых способах социального и политического действия и т.п.

Здесь непочатый край работы.

Между тем, каждого, кто возьмётся делать эту работу, ожидают великие открытия. Напомню, сколь мощным был научный и социально-мыслительный старт молодого Фридриха Энгельса, создавшего «по личным впечатлениям и достоверным источникам» одну из величайших книг научного социализма — «Положение рабочего класса в Англии». Напомню, что мировое лидерство российской социологии в конце XIX века было не в последнюю очередь обеспечено исследованиями быта фабричных рабочих.

Начать решение второй проблемы можно с разных концов. Но было бы плодотворным выработать скоординированную ***Программу комплексного изучения состояния современного рабочего движения и демократического рабочего движения и их перспектив***. Такая программа позволила бы подключиться к научному изучению множеству не только учёных и социальных мыслителей, но и трудящихся и их организаций (включая прежде всего классовые профсоюзы)

ПРОБЛЕМА ТРЕТЬЯ

Цели и идеи современного народно-демократического движения за освобождение от эксплуатации и угнетения. Место и роль социалистической идеи.

Идеи движения и само реальное общественное движение — связанные, но относительно самостоятельные реалии бытия человечества. Случается и так, что движение возникает при явной идейной недостаточности и убогости целей, и так, что идеи ждут движения как своего носителя и воплотителя.

Как в современном мире и в современной России обстоит дело с идеями народно-демократического движения за освобождение от эксплуатации и угнетения? В такой постановке (в плане инвентаризации идейного задела) проблемы общественного сознания и общественных движений, насколько нам известно, обычно не рассматриваются. А между тем этот аспект идеологий и обществознания весьма актуален.

Представляется, что было бы крайне плодотворно начать изучение освободительных идей и целей. Требуется сама постановка проблемы такого изучения, а также общая теория и методология, разработка принципов типизации (классификации). Требуются научные «замеры» — описания разнообразных освободительных идей и идеологий.

Не дожидаясь развёртывания этой серьёзной исследовательской работы, требуется разработка (пусть в качестве гипотезы и в качестве «прикидки») общей картины состояния идей (и идеологий) в современном мире и в современной России. Особенный интерес при этом представляет место и роль социалистических идей в современном общественном сознании.

Наперёд следует условиться о классификации (типизации) идей и идеологий, называемых или воспринимаемых как социалистические. Термин стал размытым и многосмысловым. Без уточнения смыслов (содержания) легко получить смазанную, недостоверную и даже совершенно искажённую картину.

ПРОБЛЕМА ЧЕТВЁРТАЯ

Реабилитация социализма как идеологии

Эта проблема сверхактуальна и для мира в целом и особенно для стран, переживших или переживающих тоталитарные режимы, называвшие себя социалистическими.

Социалистическая идея, социализм как идеология скомпрометированы для современного мирового общественного сознания и для общественного сознания народов бывших (и нынешних) якобы социалистических стран. Одновременно с этим весьма распространённое ныне тоталитарное сознание считает и называет себя социалистическим, как и ряд по сути тоталитарных идеологий.

Реабилитация социалистической идеи и социалистической идеологии возможна не иначе, как путём не просто решительного отмежевания, а непременно путём решительного противопоставления социализма и тоталитаризма, социалистической идеологии и идеологий фашизма, тоталитаризма, имперства, национализма и нацизма.

Три направления реабилитации социализма как идеологии представляются нам необходимыми и, возможно, достаточными:

1) развитие самой социалистической идеологии.

Первостепенно важно определить относительно сущностных признаков социализма и критериев социалистичности. Представления о сущностном в социализме стали настолько размытыми и засоренными, что ярлык социалистичности

прикладывается к чему угодно, даже к антиподам социализма, не говоря уж просто о намерениях некоторого ослабления эксплуатации (национал-социализм; шведский социализм; социализм с человеческим лицом; реальный социализм; китайский социализм; и т.д., а в «Манифесте Коммунистической партии» — реакционные социализмы (феодальный, мелкобуржуазный, немецкий), консервативный, критически-утопический, коммунизм)

Требуется научно обосновать сущностные признаки идеологии и практики социализма, закладываемые в основания собственной идеологии последовательного (революционного) гуманистического самоосвободительного движения трудящихся и эксплуатируемых.

2) антифашистские, антитоталитарные, антиимперские, антиимпериалистические идейные и теоретические разработки, выявляющие эксплуататорский и антигуманный характер целей и практики фашизма, имперства, империализма (глобализма), тоталитаризма. Такие разработки выявляли бы принципиальную, сущностную несовместимость названных целей и исторических практик с социализмом.

3) изобличение как ненаучных тех концепций и идейных конструкций, которые рассматривают антигуманные свойства тоталитарных якобы социалистических режимов всего лишь как ошибочные действия или вынужденные временные искажения в практике по сути своей всё-таки социалистических стран, правительств и движений.

В рамках всех трёх направлений реабилитации социализма как идеологии крайне существенно фокусировать внимание на самоосвободительном характере социалистического движения, на недопустимости «подмены освободителя», когда бог, царь, герой (трибун) или «наша родная коммунистическая партия» становятся освободителями, субъектно действуя вместо трудящихся «исключительно в интересах трудящихся».

ПРОБЛЕМА ПЯТАЯ

Инвентаризация идейного арсенала марксизма и марксизма-ленинизма (живое и мёртвое в марксизме)

Марксизм как идеология, как методология (культура мышления) и как наука об обществе сформировался 150-170 лет назад и развивался в силу ряда обстоятельств не гладко и не динамично. Уже в трудах К.Маркса и Ф. Энгельса имеются несовместимые друг с другом положения, в том числе и базовые (фундаментальные). Канонизация (и догматизация) классического

марксизма (ретро-марксизма) законсервировала первоначальную недоработанность учения, не дала возможности преодолеть противоречия и тем повысить жизнеспособность марксизма. С превращением марксизма в идеологию революционных и социал-реформаторских (социал-партнёрских) движений он подвергся мощным ревизионистским и вульгаризаторским воздействиям, а при тоталитарных «марксистских» режимах — догматизации, музеефикации, омертвлению (мумифицированию).

Требуется аккуратная, бережная, но ответственная и творческая инвентаризация идейного арсенала марксизма и марксизма-марксизма ленинизма. Требуется столь же тщательная инвентаризация идейного арсенала социал-реформаторской (социал-демократической) ветви марксизма.

Работа эта — объёмная и многоплановая. Отрадным (и помогающим) фактором её выполнения является изначально обозначенный классиками целостный характер их идеологии, методологии и теории. Поэтому правомерно рассмотрение тех или иных положений (и учений о разных предметных областях) на предмет их способности вписываться в целостное представление об обществе и человеке в обществе. Такая «фрагментарная инвентаризация» расширяет фронт полезной работы, но не утрачивает скоординированности.

Среди положений классического марксизма, которые могли бы подвергнуться осмотрительной, но творческой экспертизе, назовём лишь несколько:

- теория прибавочной стоимости (Марксова теория эксплуатации);
- учение о базисе и надстройке;
- гипотеза об общественно-экономических формациях;
- учение о диктатуре пролетариата;
- положение о том, что социализм (коммунизм) есть «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Подготовил Б.В.Ракитский

5 января 2016. Москва

Согласовано с Давидом Манделем

22 января 2016

Материалы для дискуссии по проблеме первой

Характер (тип) народно-демократического движения за освобождение от эксплуатации и угнетения. Круг участвующих и доминирующих в нём социальных сил (движений)

В периодическое издание «Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа» (доступна на сайте ШТДР www.shkolatd.ru) вошёл ряд статей, трактующих ключевые понятия проблематики первой темы симпозиума. Предлагаем их для дискуссии.

РЕВОЛЮЦИЯ (от франц. – revolution; от позднелат. revolutio – переворот) — один из двух основных типов развития (наряду с эволюцией) в природе и в обществе; отличительная особенность революционного типа развития — скачкообразная перемена качества и устройства развивающегося явления (реалии). Понятие революции, зародившееся в общественной практике, было распространено на другие (необщественные) формы движения материи, по-видимому для подчёркивания именно скачкообразности, «переворотности» коренных изменений, в итоге которых в относительно краткие сроки меняется качество явления. Смена качественного состояния системы — вот смысл понятия «революция» применительно к характеристике типа развития.

Применение понятия «революция» к развитию общества стоит особняком, ибо общественная форма

движения материи содержит в себе движущие силы развития, отсутствующие в необщественных формах движения материи. Это осознанность действий, субъектность действий, социально-групповая структура социальных сил (См. *Революция социальная*). Выстраивание аналогий между социально-революционными процессами и процессами революций, скажем, в науке, технике, технологиях, в моде, в климате и т.п. всегда чревато грубыми натяжками и нецелесообразно с научной точки зрения.

Понятие «революция» успешно и правомерно применяется для характеристики не только целообщественных (социально-системных) преобразований, но и крупных (влиятельных, судьбоносных) качественных сдвигов в крупных сферах общественной жизнедеятельности. Например, плодотворны понятия «промышленная революция», «зелёная революция», «научно-техническая революция», «революционный переворот в философии» и др. (См. *Промышленная революция; Зелёная революция; Научно-техническая революция; Революционный переворот в философии*).

Слово «революция» — настолько броское, ёмкое, «зацепляющее сознание», что в условиях современного информационного шума, массовой глухоты к смыслам, зомбирующих СМИ-технологий используется как расхожий рекламный приём с полностью ампутированным собственным смыслом (например, «революция цен», «революция настроений» и т.п. ерунда). Зато в тех случаях, когда требуется понятие «революция» в его точном смысле, современная буржуазная наука и буржуазная пропаганда усердно плодят разнообразные термины-заменители (например, трансформация, бифуркации и др.).

Б.В.Ракитский

РЕВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ – один из двух основных типов прогрессивного развития общества как целостной системы (наряду с эволюцией); отличительная

особенность социальной революции – качественная перемена общественного устройства посредством смены типа власти и проведения коренных преобразований во всех сферах общественной жизнедеятельности. Такой объём коренных исторических перемен в сравнительно краткие исторические сроки предполагает сформированность объективных предпосылок и субъектов революционного исторического действия (социальных сил). (См. *Революция; Власть; Силы социальные; Революционная ситуация; Реформы революционные*).

Социальные революции являются одной из форм закономерного перехода количественных изменений в качественные. В этом смысле социальная революция – атрибут (неотъемлемое существенное свойство) истории любого общества. Однако все известные истории общества складывались, развивались и сходили с исторической сцены как состоящие из антагонистических классов (См. *Антагонизм*). Поэтому сложившийся в реальной истории тип социальной революции – это её тип, присущий именно антагонистическим обществам (См. *Общество*).

Теориями социальной революции выработан ряд категорий, научно глубоко обобщающий процессы вызревания и свершения социальных революций. Таковы понятия «революционная ситуация», «кризис системный», «исторический выбор», «революционный подъём», «революционные классы», «реакционные классы», «контрреволюция», «историческое выступление», «историческое наступление», «классовая борьба», «революционные реформы», «переходный период» и др. (См. *Революционная ситуация; Кризис системный; Исторический выбор; Борьба классовая; Выступление историческое; Наступление историческое; Контрреволюция; Реформы революционные; Переходный период*)

Целесообразно зафиксировать ряд сущностных и содержательных характеристик социальных революций, особенно ценных в теоретическом и практическом отношениях.

Первая. Революция всегда существенно меняет направленность (вектор) общественного развития. Суть революционной ситуации – в реальной возможности сделать исторический выбор дальнейшего развития страны. Для этого должны быть не только объективные, но и субъективные основания. Революция состоит в том, что исторически забраковывается вариант будущего, к осуществлению которого стихийно или сознательно идёт (ведётся) развитие общества.

Предмет (стратегическая задача) революции - именно осуществление исторического выбора. Именно по уровню исторического влияния на решение стратегической задачи определяется исторический масштаб (историческое значение) политического действия (политических событий). Фраза «Известно, бунт не может быть удачен. В противном случае его зовут иначе» в исторической науке не признаётся ни правилом, ни принципом. Революцией в истории считается, бывает, и потерпевшая поражение революция, если она оказала-таки существенное воздействие на вектор исторического развития страны. Конкретный пример – Революция 1905-1907 гг. в России (См. *Революция 1905-1907 гг. в России*).

Вторая. Революция есть форма столкновения на исторической арене антагонистических социальных сил (См. *Антагонизм; Антагонист*). Такое столкновение выявляет непримиримость коренных интересов крупных социальных сил в рамках сложившейся системы экономических, социальных и властных отношений. Этим революция отличается от таких форм общественного развития, в которых сталкиваются неантагонистические интересы или же противоборствующие социальные силы не оказываются более или менее равными по возможностям влиять на развитие страны. В подобных случаях либо осуществляются реформы, либо подавляется относительно слабосильный социальный интерес.

Третья. Коренной вопрос революций – вопрос о власти. Речь идёт не о персональной замене лиц, осуществляющих власть, другими лицами. В революции

решается вопрос о перемене содержания власти, о смене подходов, способов осуществления власти, устойчивых структур властных отношений. Другими словами, революция меняет тип власти. Этим она отличается от заговоров, разных переворотов, смен администрации, парламентских смен правительств и президентов, смен династий и прочих исторически заметных, но не коренных, не качественных перемен власти (*См. Власть*)

Четвёртая. Революция – акция живого исторического творчества народа. Не бывает революций сверху, революций без масс. Начаться революция может и по инициативе сверху, но совершиться и победить без активного массового политического движения она не может. Активная включённость (в самых разных формах) в историческое столкновение антагонистических социальных сил, в борьбу за власть, за смену власти – реальный (материальный в философском смысле) способ сломить сопротивление уходящих от управления делами общества социальных сил, дезавуировать их идеологию, лишить её массовой поддержки, укоренить в сознании масс идеологию социальных сил, приходящих к власти, получить поддержку новой власти со стороны масс (*См. Массы народные; Масса социальная; Идеология; Массовое сознание*).

Отмеченные основные характеристики социальной революции в их полном и развитом виде проявляются и наблюдаются в истории самостоятельных стран, народы которых сами формируют пути развития своих стран. В зависимых странах (*См. Зависимая страна*) качественные перемены в развитии общества, в том числе и прогрессивные по общегуманистическим меркам, могут происходить при доминировании внешних для страны факторов и социальных сил. В условиях глобализации капитализма (*См. Глобализация капитализма*) получили распространение социальные революции, в которых исторический выбор (главная историческая задача революции) делается при доминировании не внутренних, а международных социальных сил (международный капитал, империя и др.). Такие революции получили временное

(рабочее) название «цветных революций». (См. «Цветные» революции)

Б.В.Ракитский

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ - общественно-политический переворот, пресекающий революцию и её социально-структурные преобразования, качественно меняющий направленность исторического развития, заданную революцией (См. *Революция*).

Понятие “контрреволюция” не относится к числу строго определённых обществознанием. Его общий смысл - “направленное против революции”. Словом “контрреволюция” обозначают и вообще опасность утраты революционных завоеваний, и борьбу против революции свергнутых (или свергаемых) ею классов и социальных групп во имя реставрации дореволюционных порядков, и самих борцов с революцией (“контра”). Все эти употребления слова не отменяют нужды в научной категории, содержательно определяющей результативный общественно-политический переворот, сопоставимый с революционным переворотом, но направленный против революции.

Не следует отождествлять контрреволюцию с реставрацией дореволюционных общественных порядков (См. *Реставрация*). Реставрация дореволюционных порядков - один из реально возможных вариантов контрреволюции, но не единственный. Реставрация предполагает, что свергнутые революцией господствующие классы способны организовать и мобилизовать сравнительно влиятельную поддержку в массах или же получить сильную поддержку извне. В последнем случае контрреволюция отчасти оказывается интервенцией.

Другие реальные варианты контрреволюции основываются на социальной неоднородности революционных сил и способности части революционеров использовать “в интересах революции” средства, кардинально не совместимые с революционными целями. При сохранении видимости следования революционным

целям происходит их фактическая подмена, возникает перманентное кризисное состояние общества, называемое деформацией (См. *Деформация общественной системы*). Деформация, возникшая в результате контрреволюции, не представляет собою устойчивого общественного состояния, не является общественно-экономической формацией. Отказ от гуманистических средств общественного развития, опора на принуждение и насилие в отношениях власти к народу выводит страну из русла прогрессивного развития, направляет её развитие в исторический тупик (См. *Тупик исторический*).

Примером контрреволюции, результатом которой стала не реставрация дореволюционных порядков, а деформация общественной системы, может служить тоталитарная (фашистская) контрреволюция в СССР в конце 1920-х - начале 1930-х годов (См. *СССР*).

Б.В.Ракитский

КРИЗИС (от греч. krisis — {раз}решение, поворотный момент, исход) — состояние какой-либо целостности (системы) или процесса, при котором их внутренние противоречия обостряются настолько, что сложившиеся способы и формы протекания (существования, бытия) не могут далее обеспечивать качественную устойчивость. Кризисное состояние означает актуализацию вариантности движения, объективную необходимость появления доминирующего варианта движения, устойчивого вектора движения (См. *Вариантность; Вариантность будущего; Вектор движения (в обществе)*). В этом смысле кризис и означает исход, то есть выход из неустойчивого (недостаточно устойчивого) состояния. Варианты выхода (исхода) — либо разрушение целостности (прекращение процесса), либо продолжение движения на основе обновлённых способов и форм обеспечения устойчивости (См. *Устойчивость*).

В общефилософском плане (и только в этом плане) природа кризиса одинакова для любых форм движения материи. Но уровень качественных различий физических, химических, биологических, общественных форм движения материи делает практически актуальной спецификацию

содержательных представлений и теорий кризиса применительно к разным формам движения материи. Другими словами, о кризисе как о состоянии общества непродуктивно (суесловно) рассуждать по аналогии и в терминах геологического кризиса или кризиса как стадии протекания болезни человека. (См. *Кризис общественный*).

Б.В.Ракитский

КРИЗИС ОБЩЕСТВЕННЫЙ — кризис в обществе; кризисное состояние общества в целом при его сложившемся конкретно-историческом устройстве или его важных сфер и общественно значимых процессов (См. *Кризис*). Общественный кризис означает, что сложившиеся способы и формы общественной практики не могут обеспечить социальную устойчивость по причине обострения внутренних противоречий (См. *Противоречия (в обществе); Устойчивость социальная*).

История кризисных состояний общества неисчерпаема. Опыт разрушительных и созидательных выходов из кризисов огромен. Специальной науки об общественных кризисах нет, хотя в рамках целостного обществознания (когда оно разовьётся) вполне вероятно развитие учения о кризисах в обществе. А куда кризисный опыт общества осмысливается разъединёнными общественными науками применительно к их конкретным (хотя и обширным) предметным областям (кризис управляемости, экономический кризис, политический кризис, информационный кризис, финансовый кризис, демографический кризис, долговой кризис, экологический кризис, кризис доверия, кризис власти и т. п.).

Общество является целостностью со сложным внутренним устройством (См. *Общество*). Кризисные состояния могут охватывать и общество как глобальную целостность, и конкретные (страновые) общества, и части общественного хозяйства, духовной жизни, важные общественные сферы и процессы.

Применительно к общественным процессам, явлениям, структурам, устройствам и к обществу как к целостности кризис есть такое их состояние, при котором сложившиеся способы и формы общественной практики (в целом или в общественно значимых сферах и масштабах) не обеспечивают достаточной (надёжной) устойчивости, а значит, — высока и актуальна вероятность разрушения или стагнации (*См. Стагнация; Разрушение (в обществе)*).

Созидательным (развивающим) выходом общества из кризиса всегда (и в каждом конкретном случае) является порождение и освоение (усвоение) новых жизнеспособных способов и форм общественной практики (*См. Жизнеспособность*). Степень их жизнеспособности, а значит, и мера преодоленности кризиса определяется, в конечном счёте, тем, насколько новые способы и формы практического действия блокируют, компенсируют или устраняют коренные (сущностные) причины кризиса.

(*См. также Кризис идеологический; Кризис общественного сознания; Кризис системный; Кризис перепроизводства; Кризис политический; Кризис финансовый; Кризис экономический; Кризисы хозяйственные*)

Б.В.Ракитский

КРИЗИС СИСТЕМНЫЙ — кризис общественного устройства как целостности. Чаще всего понятие «системный кризис» применяется именно в суждениях об обществе (*См. Кризис общественный*).

В современных науках стало модно пользоваться понятиями «система» и «системный». Поэтому те состояния общества, которые в XIX и, по крайней мере, до середины XX в. обозначались как революционная ситуация, стали описываться иным понятием — «системный кризис». Так комфортнее для обывательского сознания, для идеологии и пропаганды господствующих социальных сил и для лукавой науки, обслуживающей их интересы. Понятие «системный кризис» относится к набору таких понятий, которые позволяют обсуждать острые политические и социальные проблемы, избегая

употребления таких «страшных слов», как «классы», «классовая борьба», «революционная ситуация», «революция», «социальный конфликт» и т.п.

По своему существу системный кризис — это такое состояние системы, когда внутренне присущие ей противоречия могут разрешиться лишь путём качественного преобразования самой системы. Для общественных самоорганизованных систем системный кризис есть ситуация выбора варианта своего дальнейшего развития и нового качественного состояния. В этом смысле говорится о судьбоносном для общества выборе, или об историческом выборе.

Глубокое научное понимание системного кризиса предполагает выявление причин кризиса на сущностном (глубинном) уровне. Такого типа причины принято называть системными причинами (*См. Причина системная*). Сложившееся прежде научное название таких причин — основное противоречие общества данного типа (*См. Основное противоречие общества, Закон движения общества*). К примеру, марксизм вскрыл основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером капиталистического воспроизводства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов. Основными противоречиями тоталитарного строя в СССР были: а) узурпация правящей кастой (номенклатурой) власти в обществе и в хозяйстве и монополия этой касты на власть; б) имперский характер взаимоотношений союзного центра и входящих в СССР республик и регионов.

Само по себе наличие и научно глубокое выявление основного противоречия общества не объясняет, находится или не находится данное общество в системном кризисе (в революционной ситуации). Наличие основного противоречия — это возможность системного кризиса, заложенная в самом устройстве данного общества. Эта возможность тем реальнее, чем более обостряется это противоречие, чем более проявляется в общественной практике. Признаками системного кризиса являются обычно, с одной стороны, массовое недовольство

населения сложившимися порядками и действиями властей и, с другой стороны, неспособность властей как управлять прежними способами, так и заменить неэффективные способы управления более жизнеспособными.

Системный кризис может завершиться либо качественным преобразованием общественной системы, либо откладыванием назревшего качественного преобразования общественной системы. Качественное преобразование всегда является результатом либо социальной революции (*См. Революция социальная*), либо радикальных «реформ сверху» (*См. Реформы радикальные*). В том и другом случае в обществе должны иметься и активно действовать соответствующие социальные силы (*См. Силы социальные (социально-политические, политические)*).

Откладывание назревшего качественного преобразования общественной системы (оставление системного кризиса без исторически необходимого и исторически достаточного разрешения) оборачивается обычно замедлением развития или застоём (стагнацией) общества, отставанием в развитии от стран, нашедших в себе силы и сумевших успешно преодолеть системный кризис (*См. Застой; Отставание (в общественном развитии)*). *Б.В.Ракитский*

СИЛЫ СОЦИАЛЬНЫЕ (социально-политические, политические) – реальные субъекты конкретных политических взаимодействий (реальные субъекты политики), которые выражают и весомо отстаивают в этих взаимодействиях интересы тех или иных элементов социальной структуры общества (социальных групп, социальных общностей) в области формирования условий и способов их жизнедеятельности и в области формирования целей, средств и механизмов развития общества в целом. Социальные силы – это *движущие* силы общественного развития.

В ходе и в результате взаимодействия социальных сил происходит взаимоувязка противоречивых

общественных интересов, упорядочиваются отношения социальных групп, социальных общностей (См. *Группы социальные; Классы; Общность социальная; Классовая борьба*). Тем самым обеспечивается единство (целостность) общества в процессе его развития. В любой сфере жизни общества её устойчиво воспроизводящееся внутреннее единство обеспечивается взаимодействием социальных сил. Сфера социально-трудовых отношений, составляющая основу общественного развития, внутренне едина (как и иные сферы жизни общества) посредством взаимодействия социальных сил – активных представителей интересов сторон социально-трудовых отношений.

В качестве субъектов конкретных общественных взаимодействий, в которых сталкиваются, противостоят, согласуются социальные интересы, обычно (как правило) выступают не сами социальные группы, социальные общности, а *субъекты-институты* – общественные движения и организации, властно-управленческие и другие организационные структуры, которые претендуют на представительство интересов определенных социальных групп или социальных общностей (первичных социальных субъектов) (См. *Институты социальные; Субъекты социальной политики первичные; Субъекты-представители в социальной политике*).

Эти социальные субъекты-институты могут быть:

1) в правовом отношении:

- а) государственными или негосударственными;
- б) легитимными (законными) или нелегитимными (незаконными);

2) в организационном отношении:

- а) более или менее четко структурированными (политические партии, профессиональные союзы, другие общественные организации и общественные движения с устойчиво оформленной внутренней структурой, государственные властно-управленческие структуры);

- б) мало структурированными или практически неструктурированными (неорганизованные социальные

движения типа стихийных выступлений, стихийных бунтов). В процессе стихийных действий, как правило, происходит самоорганизация неструктурированных движений: формируются и начинают функционировать от имени массы те или иные органы – комитеты, советы, лидеры, вожди, вожаки и пр.

Функционирование конкретного общественного института как социальной силы имеет место лишь при его опоре на собственную **социальную базу**.

Социальная база субъекта-института, обеспечивающая его функционирование в качестве социальной силы, – это социальные группы (группа) или социальные общности, которые признают, что идеология и практические действия данного конкретного института действительно выражают и отстаивают их интересы и в силу этого признания (доверия) готовы оказать и оказывают ему такую необходимую поддержку, которая придаёт этому институту (организации ли, движению ли, государственной ли структуре) *весомость* в обществе, то есть делает его влиятельным субъектом социальной политики.

В обществоведении, научно и идейно обслуживающем социальную практику трудящихся классов, понятие “социальная сила” включает в себя процесс и состояние (на конкретно-исторический момент) *самоорганизации социальной группы*.

В этом обществоведении из двух ипостасей субъекта общественных отношений (сама социальная группа и производный от неё субъект-представитель) приоритетной оказывается ипостась активно и сознательно самоорганизованной социальной группы. Составной частью формирования структуры социальных сил, соответствующей буржуазно-демократическому обществу, считается процесс превращения наёмных эксплуатируемых трудящихся из *пассивных разрозненных* участников социальных процессов в *активно и сознательно (целенаправленно)* действующую социальную силу. Этот процесс обобщен в первоначальном марксизме в категориях превращения

массы рабочих из “класса по отношению к капиталу” в “класс для себя”. Самоорганизация массы эксплуатируемых рассматривается в неразрывной связи с развитием *идеологической* стороны движений трудящихся.

И в первоначальном марксизме, и в современном последовательном гуманизме (одним из исторических истоков которого является первоначальный марксизм) реализация интересов эксплуатируемых трудящихся считается невозможной без освоения собственной идеологии такими субъектами-представителями трудящихся классов, как организованные массовые движения.

Понятие “социальные силы” отводится обычно в тень **обществознанием, обслуживающим господствующие классы**, и, соответственно, изымается из трактовок социально-трудовых отношений. Так, выполняя эту задачу, теория стратификации (См. *Стратификации социальной теории*) старается уйти от понятия “класс” одним из двух способов: 1) подчёркивая, что классовое деление есть всего лишь частный случай социального расслоения, 2) объявляя, что класс – нечто неопределённое и неясное, так что очень многое в практике социального расслоения может быть объявлено классом.

На первый план во всех общественных и в социально-трудовых отношениях в обществознании, обслуживающем господствующие классы, выводятся не взаимоотношения классов (макросоциальных сил), а взаимоотношения между гражданами, между гражданами и государством (обществом), то есть фактически правоотношения, проблемы прав и свобод и их реализации в существующем правовом пространстве. Вопрос о том, что становление, удержание и изменение существующего правового пространства суть итог (следствие, функция) взаимодействия социальных сил, оставляется за пределами рассмотрения.

По существу такова же, но примитивнее и мифологичнее схема отвода в тень фактора социальных сил, применяемая идеологией, научной апологетикой и

практикой тоталитаризма. Декоративность и манипулируемость подавляющего большинства институтов-субъектов (См. *Институты социальные*) заглушается громогласным провозглашением якобы ведущей роли в обществе тех, кого они формально представляют. Однако эта ведущая роль не выражается в их (рабочего класса, например) самостоятельном социальном действии. В результате в постсоветской России до сих пор широко распространено убеждение, будто вся социальная политика сводится и должна сводиться к государственной социальной политике, к *мерам государства* в социальной области. Государство понимается как субъект, а все остальное в обществе – как объект социальной политики. Эти схемы проецируются и на социально-трудовые отношения. Многообразие социальных сил оказывается в тоталитарной реальности лишь мифом, декорацией. Фактом же является (но не признаётся) реальное подавление властвующей социальной силой интересов и действий всех других элементов социальной структуры.

Ключевые категории, отражающие закономерности взаимодействия социальных сил, – “весомость социальной силы” и “соотношение социальных сил”.

Весомость (влиятельность) социальной силы – степень её реального влияния на общественные процессы в ходе и в результате столкновения (взаимодействия) социально-групповых, социально-общностных интересов.

Соотношение социальных сил – конкретно-историческое соотношение степеней влияния различных социальных сил на общественные процессы и тем самым на меру учета конкретно-исторических и стратегических интересов различных социальных групп и общностей в общественном развитии.

Динамика *существенных* перемен в соотношении социальных сил определяет динамику социальной вариантности будущего (См. *Вариантность будущего; Вариантность общественного развития*). Существенные перемены в соотношении социальных сил способны изменить качественную специфику общества, то есть

привести к радикальной (революционной) смене общественного строя.

В условиях капиталистической формации (и это её критериальный признак) имеет место устойчивый перевес социальных сил, представляющих интересы капиталистического класса. Это обеспечивает доминирование его интересов в обществе, то есть выдвижение, закрепление и реализацию интересов капиталистического класса в качестве приоритетных целей всего общества, подчинение этим целям общественной жизни, развития хозяйства и устройства социально-трудовых отношений.

Условия, близкие к **равновесию социальных сил**, вынуждают капиталистический класс идти на компромисс в целях сохранения эксплуататорской основы строя (модель “осторожного”, или социально “укрощенного” капитализма).

Социальный компромисс порождает, с одной стороны, ситуацию социального перемирия, а с другой стороны, социально неустойчивую (выжидательную) форму общественного устройства – так называемое социальное государство.

Вынужденный компромисс (а не подавление интересов и действий подчиненных групп) – результат высокой активности народа, давления с его стороны. Условия равновесия сил требуют от правящей группы идти на частичное ущемление своих интересов, чтобы предотвратить смену доминанты в целевой ориентации общества, смену его качественного своеобразия. Именно в этом состоит социальный смысл компромисса. Компромисс фиксирует завоевания подчиненных (эксплуатируемых) социальных групп, меру отвоёванной ими защищённости своих интересов, прав и свобод. Компромисс – это частичное или временное примирение конфликтующих, но *относительно равных по силе сторон*. Правящая группа, идя на компромисс, предотвращает дальнейшую активизацию эксплуатируемых трудящихся, ослабляет их активность, компенсирует ее ослабление гарантиями их политических, гражданских и социально-экономических прав и свобод.

В современном общественном сознании существует представление, что компромисс может достигаться и при неравновесии противостоящих социальных сил. *Это иллюзия.* На деле в упаковку якобы компромисса облекается капитуляция слабой стороны под давлением сильной. Иллюзия компромисса возникает из-за уступок сильной стороны по мелким, непринципиальным вопросам, лежащим вне области антагонизмов и даже, возможно, вне области противоречивости интересов.

В отечественных политико-экономических разработках на протяжении десятилетий фактор субъектного действия явно недооценивался, а зачастую и вовсе игнорировался. Проблематика вариантности социального и экономического развития практически была исключена из числа актуальных исследовательских аспектов. Поколения отечественных обществоведов были воспитаны на восприятии вариантов возможного будущего и вариантной стратегии как “уклонов” и теоретических и политических “ошибок”, а то и сознательного вредительства. Всё это делало ненужными для исследований отечественной реальности такие фундаментальные научные категории, как “социальные силы”, “соотношение социальных сил”, “равновесие социальных сил” и другие, отражающие взаимодействия реальных субъектов общественных и особенно социально-трудовых отношений. Трудящимся как бы отказывалось в непосредственной социальной субъектности, в том, что они – социальные силы, что у них свой интерес и что интерес трудящихся может не совпадать с интересами тех, кто говорит от имени общества и “идёт навстречу пожеланиям трудящихся”.

В современной России положение дел в обществоведении меняется в сторону обсуждения и исследования общественных процессов и проблем в неразрывном контексте с социальной структурой общества, со структурой и соотношением социальных сил.

Литература: Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). Глава 4. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003; Маркс К. Нищета философии.

Ответ на “Философию нищеты” г-на Прудона. §V. Стачки и коалиции рабочих. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4; Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Право на труд. – Периодическое издание “Трудовая демократия. Выпуск 37” – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2001.

Г.Я.Ракитская

СИЛЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ - субъекты геополитики (то есть политики в масштабах планеты Земля) (См. *Геополитика*). По своему характеру геополитические силы относятся к социальным силам (См. *Силы социальные*).

Отличительная особенность геополитических сил, выделяющая их в системе социальных сил, - то, что они действуют на международном поприще и являются не только фактором международных отношений, но и фактором формирования мирового политического и экономического порядка. Быть фактором - значит входить в число влиятельных причин (См. *Фактор*).

К геополитическим силам современного мира относятся государства и группы государств (особенно империалистические), созданные государствами блоки и организации, международный капитал, транснациональные корпорации и банки. Общественные движения в современном мире не так сильны, чтобы стать влиятельными геополитическими силами.

Б.В.Ракитский

ДВИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ – новые социальные движения конца XX века, возникшие и развивающиеся как форма организованного протеста самых разных слоев населения против социально-экономических следствий неолиберальной политики национальных государств и политики международного капитала на этапе глобализации капитализма (См. *Глобализация капитализма*).

Современные социальные движения отличаются от традиционных форм профсоюзной и политической самоорганизации и борьбы трудящихся по социальному составу, идеологии, практической ориентации, способам

действий.

Основные факторы появления и расширения современных социальных движений:

– кризис рабочего и профсоюзного движения в западноевропейских развитых странах. Он связан с окончанием “золотого тридцатилетия” – периода послевоенного (после Второй мировой войны) экономического роста и относительного социального благополучия. Рабочее и профсоюзное движение оказалось неспособным противостоять переходу правительств к либеральной политике, углубляющей социальную поляризацию общества, ухудшающей положение трудящихся (урезание социальных программ, распространение временной и частичной занятости, наступление массовой безработицы, ухудшение режима и условий труда и пр.);

– идейный кризис левых политических движений, представляемых традиционными коммунистическими, социалистическими, социал-демократическими партиями. Этот кризис связан, во-первых, с фактической либеральной политикой левых партий или поддержкой левыми партиями либеральной политики практически во всех случаях их реального участия в государственной власти. Во-вторых, с антитоталитарными (общедемократическими) революциями в СССР и странах советского блока в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Отказ от сталинистской модели казарменного “социализма” в пользу буржуазной демократии был воспринят по большей части как историческое поражение идеологии и политической практики социализма (коммунизма);

– идейно-политический кризис национально-освободительных (антиколониальных) и демократических (против диктаторских, военных и т.п. режимов) движений в странах так называемого третьего мира. Этот кризис связан с неспособностью новых правительств, пришедших к власти с помощью этих движений, провести эффективные реформы для существенного улучшения

положения населения, преодоления отсталости, нищеты, безработицы, неграмотности, голода, болезней и пр.;

– процессы глобализации капитализма (См. *Глобализация капитализма*), создающие всемирное пространство капиталистической конкуренции. Современный (с конца XX века) этап глобализации капитализма актуализирует проблему общенационального и интернационального согласования действий широких слоев населения в защиту гуманистических, в том числе демократических ценностей, для противостояния тенденции оттеснения все большей части населения планеты (“лишнего” для капитала) в социальную резервацию (См. *Социальной резервации теория*).

Социальный состав современных социальных движений весьма разнообразен по следующим причинам: уменьшение численности и удельного веса индустриального рабочего класса в общественной структуре; увеличение численности людей, устойчиво “исключенных” из общества (безработных, бездомных, бесправных мигрантов и т.п.); ухудшение социально-экономического положения крестьянства; ослабление социальной защищенности трудящихся государственного сектора экономики и государственных служащих; обострение проблем национальной, расовой, по признакам пола и прочей социальной дискриминации в условиях возникновения глобального (всемирного) рынка труда.

Социально-групповой состав населения, страдающего от последствий неолиберальной политики и глобализации капитализма, зеркально отражается в возникновении и активизации организаций и движений людей “без” без работы, без жилья, без документов (иммигрантов без легального статуса); женских, крестьянских, правозащитных и других организаций и движений. Они существуют и действуют в масштабах отдельных стран, отдельных регионов и континентов. Проводятся различного рода акции локального, национального и более широкого масштаба.

В последние годы наблюдается стремление к согласованию действий, к организационному объединению

вокруг тех или иных инициатив и к созданию устойчивых структур социального движения в региональных, континентальных (в том числе европейском) и мировом масштабах. С конца 1990-годов регулярно проводятся крупные международные встречи (социальные форумы). Такие встречи были в Париже, Сиэтле, Женеве, Праге, Хайдарабаде, Аддис-Абебе и др. С 2001 г. регулярно организуются Всемирные социальные форумы в Бразилии (самые масштабные – число участников достигает 100 тыс. и более человек); Европейские и другие региональные социальные форумы.

Организаторы международных встреч сознательно дистанцируются от политических организаций и партий: члены таких организаций могут участвовать в мероприятиях форумов, но не как полномочные представители этих организаций. Представительство профсоюзов на форумах, напротив, приветствуется. Значительную часть участников форумов, особенно массовых протестных акций в рамках форумов, составляет молодежь.

В рамках международных встреч проходят дискуссии по теоретическим и практическим проблемам социальных и профсоюзного движений, организуются пикеты, митинги, демонстрации. Крупные международные встречи и протестные акции проводились, как правило, параллельно (одновременно или близко по времени или же по времени и месту) мероприятиям финансово-экономических и политических организаций международного капитала (таких, как Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Всемирный экономический форум в Давосе, “Большая Семерка” и др.).

Цели и лозунги современных социальных движений носят по преимуществу протестно-оборонительный, часто боевой, но нерадикальный характер. В документах и акциях международных встреч доминирует мотив сопротивления (мотив “против”), что соответствует самоопределению движений как оппозиционных глобализации (антиглобалистских) или неолиберальной глобализации (альтерглобалистских, то есть “за другую

глобализацию”).

Одной из причин такого самоопределения является боязнь фактических лидеров движения вызвать раскол организационно неоформленного объединения многообразных ветвей движения, если вести серьезные дискуссии на тему “за что”, то есть дискуссии о программно-стратегических ориентирах, о наступательной стратегии и тактике. Говорят, напротив, о кризисе старого (маркси-стского) “социального проекта” и о сложности выработки (даже невозможности и ненужности) позитивной новой платформы, единой для всех ветвей движения, для всех стран и континентов. В то же время весьма сильны и живучи вульгарные догматические мотивы, идущие от участников движения, причисляющих себя к марксистам. Один из таких вульгарных мотивов – возложение ответственности за все социальные бедствия трудящихся на “рынок” – на товарно-денежный характер хозяйственных связей.

Необходимость международной консолидации социального движения на конструктивно-наступательном поприще все же осознается, но позитивные задачи (не “против чего”, а “за что”) формулируются пока что весьма расплывчато: работа во имя равенства, социальной справедливости, демократии и безопасности для всех; борьба за мир без нищеты, голода, дискриминации и насилия; борьба за построение лучшего будущего и пр. И еще более расплывчато и осторожно в лозунговых формулах: “Иной мир возможен”, “Все вместе” и т.п.

Характер формулировок позитивных задач и лозунгов отражает наличие существенно разных идеологических направлений и расхождений в представлениях о способах решения конкретных социальных проблем, порождаемых неолиберальной политикой и глобализацией капитализма.

В качестве основы практической международной консолидации выдвигаются многообразные разноплановые и по преимуществу довольно узкие задачи: аннулирование государственных долгов экономически зависимых стран и передача высвобожденных таким образом средств на нужды населения и долгосрочного

развития этих стран; контроль над финансовыми рынками и их учреждениями в целях препятствования международным финансовым спекуляциям; закрытие оффшорных зон; введение специального налога (так называемого налога Тобина) на все спекулятивные операции на валютных рынках и передача полученных средств международным организациям для борьбы с неравенством, голодом, для развития образования и здравоохранения в бедных странах (по расчетам автора этого предложения, американского экономиста Джеймса Тобина, при ставке налога в 0,05% может быть получено 100 млрд. долларов в год); борьба против принятия или за отмену отдельных конкретных решений международных финансовых учреждений, тех или иных положений межгосударственных договоров и соглашений; сопротивление приватизации природных ресурсов, общественного сектора и средств массовой информации; запрещение использования генетически измененных веществ и клонирования; борьба с социальной дискриминацией, в том числе дискриминацией сексуальных меньшинств; борьба с насилием против женщин; соблюдение права на организацию и ведение переговоров для профсоюзов; прекращение вмешательства международных финансовых и военных организаций в национальную политику и внутренние дела стран; противостояние войнам и имперским тенденциям и т.д.

Одна из наиболее сложных проблем развития консолидированного в мировом масштабе социального движения, противостоящего глобализации капитализма, – выработка и реализация согласованной эффективной стратегии и тактики отстаивания интересов трудящихся в условиях, когда разрушается обособленность национальных рынков труда и национальных систем социальной защиты населения, создается всемирное пространство конкуренции за рабочие места, уровень оплаты труда, социальные гарантии, экологическую безопасность.

Протестно-оборонительный в целом характер идейной стороны и акций новых социальных движений превращает их лишь в фактор запаздывающего сопротивления социальным последствиям глобализации капитализма. К тому же сопротивленческая узость толкает часть наиболее радикально настроенных участников движения на экстремистские выходы (а возможно, предоставляет провокаторам удобные позиции для извращения целей движения).

Действительные демократические, гуманистические потенции новых социальных движений пока еще неясны, поскольку значительная часть участников этих движений – оттесненные и оттесняемые в социальную резервацию (См. *Социальной резервации теория*). В этих условиях актуально налаживание эффективного взаимодействия профсоюзов с демократическими ветвями новых социальных движений при одновременном переосмыслении роли профсоюзов в современном мире.

Глобализация объективно возлагает на профсоюзы особую роль и особую ответственность, поскольку профсоюзы являются формой самоорганизации людей, непосредственно связанных с производством, с созидательной общественно полезной деятельностью. Консолидирующая роль профсоюзов могла бы стать фактором резкого противопоставления современных социальных движений протестному поведению люмпен-террористического толка.

В России импульс к становлению социальных движений исходит от осуществляемых в стране социальных реформ. Сильным толчком к развитию социальных движений в России была так называемая “монетизация льгот” (См. *Движения социальные современные в России*).

Социальные движения, оппозиционные глобализации капитализма, не получили пока что в России широкого общественного понимания, хотя отдельные российские ученые, активисты новых профсоюзов и некоторых других общественных организаций участвуют в международных встречах начиная с 1999 г. В Европейских социальных

форумах участвовали представители существенно разных российских общественных организаций (как четко демократической, так и иной ориентации). К сожалению, в составе молодежной части российских участников Европейских социальных форумов были и люди маргинального социального типа. Российские участники далеки еще от выполнения заметной роли в международном социальном движении.

Исторические перспективы современных социальных движений связаны в первую очередь с конструктивной наступательностью, с превращением социальных движений в фактор обеспечения последовательно гуманистического (то есть альтернативного капитализму и капиталистической глобализации) характера развития мирового сообщества. Поэтому к числу основных актуальных и притом взаимосвязанных проблем современных социальных движений относятся: выработка идеологически четких конструктивных целевых ориентаций и опережающей стратегии движения, предотвращающей социально разрушительные и социально деградирующие результаты и последствия неолиберализма и глобализации капитала; налаживание эффективного взаимодействия социальных движений с традиционными профсоюзными и политическими организациями и движениями; выход социальных движений на уровень политических задач и политических способов воздействия на национальные, межгосударственные и международные властные структуры.

Литература: Дени ПАЙАР. Новое социальное движение (Франция, 1995-1998 гг.) // Бюллетень Школы трудовой демократии. №10 – М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998; Кристоф АГИТОН. Движение безработных во Франции // Бюллетень Школы трудовой демократии. № 13 – М.: Институт перспектив и проблем страны. 1999; “Антиглобализм” как он есть // Альтернативы. 2002. № 3; Пресс-конференция по итогам Европейского социального форума. – Говорят делегаты Европейского социального форума // Альтернативы. 2003. № 1.

Г.Я.Ракитская

Материалы для дискуссии по проблеме ЧЕТВЁРТОЙ *Реабилитация социализма как идеологии*

ДЕФОРМАЦИИ СОЦИАЛИЗМА – деформации общественной системы, ставящей своей целью построение социалистического общества (См. *Деформация общественной системы; Социализм; Деформаций и перерождений социализма теория*).

Социализм является настолько радикальным поворотом исторического развития, что его практическое построение опирается в лучшем случае на глубокое, но общее научное предвидение, на логическое описание реально возможного варианта успешного достижения целей. Историческое творчество трудового народа – безальтернативный источник социалистического созидания, неременное и решающее условие его успешности. Никакая наука и никакие руководящие субъекты не в состоянии ни подменить его собою, ни предусмотреть все даже наиболее существенные исторические особенности, обстоятельства, случайности. Отсюда – неизбежное громадное разнообразие конкретно-исторических форм и способов движения к социализму, исключительная ценность исторического опыта, его осмысления, научного обобщения. Отсюда же – и невероятная трудность проложить в реальной исторической обстановке линию практического действия, в должной мере соответствующую логике, сущности, закономерностям становления социализма.

Трудность понимания деформаций социализма в том, что сознание постоянно «подсказывает» метафизический подход: дескать, чтобы что-либо было деформировано, оно сперва должно быть (осуществиться) в недеформированном виде, а затем, будучи подвергнуто существенным системным нарушениям, оказаться деформацией самого себя. От этой метафизики надо решительно отказаться, рассматривая деформации социализма. Целесообразно и правомерно воспринимать социалистическую общественную формацию не как сформировавшийся результат исторического развития, а

как процесс формирования, как нарастающий, строящийся результат. Методология такого подхода разработана (См. *Деформаций и перерождений социализма теория*).

При таком взгляде социализм как общественная система возникает сразу же, как только складываются и начинают действовать его необходимые и достаточные исторические предпосылки и факторы. Среди самых важных и неперенных – народная демократия, нацеленность на свободу каждого как условие свободы всех, устранение эксплуатации как системного принципа общественной организации производства (См. *Социализм; Советы; Свобода; Эксплуатация*).

Самые существенные нарушения, вызывающие деформации социализма, - это:

- отстранение трудящихся и трудового народа в целом от осуществления ими реальной власти в обществе и в хозяйстве;

- ущемление свободы человека, свободы социальных групп трудящихся, свободы трудовых общностей – от семьи и трудового коллектива до трудового народа в целом;

- допущение эксплуатации как принципа организации хозяйства в целом или его секторов (укладов).

Производными от этих важнейших нарушений являются нарушения социалистической направленности развития важнейших сфер государственного, хозяйственного, культурного, социального строительства, допущение на практике таких подходов, стратегических и тактических решений, таких методов и способов управления и такого характера исполнительских действий, которые для социализма в принципе социально недопустимы, несовместимы с его сущностной природой.

Практика социалистических революций 20 века дала, к большому сожалению, богатый набор деформаций социализма. Самой распространённой деформацией было, пожалуй, отстранение трудящихся и трудового народа в целом от осуществления ими реальной власти в обществе и в хозяйстве. Даже в случаях широкого движения трудящихся масс, при большой политической

активности трудового народа находилась политическая партия, бравшая на себя роль руководящей и направляющей силы, подменявшей собою политическое действие народа. Искреннее желание таких партий услужить делу социалистической революции не спасало их от превращения в партии власти, в узурпаторов власти. Так случилось с партией Ленина после Октябрьской революции в ходе гражданской войны. Так случилось и с другими коммунистическими и рабочими партиями в странах, стремившихся строить социализм (См. *Партия власти*). В результате вместо народной демократии возникла деформированная система власти, действовавшая, как она о себе вещала, в интересах народа, исключительно в интересах народа, но без реального участия народа, вместо него самого.

Ущемление прав и свобод граждан, социальных групп и общностей трудящихся, включая права и свободы целых народов, явилось логическим следствием фактического отстранения трудового народа от власти. Трудности, связанные с революцией, иногда с гражданской войной, с социалистическим строительством – реальные трудности. При нормальном (недеформированном) социалистическом строительстве народная демократия, самоорганизация трудового народа (включая и деятельность партий трудящихся, и профсоюзов и др.) находят пути преодоления этих трудностей. При деформированном социалистическом строительстве трудовой народ оказывается всего лишь средством преодоления трудностей, утрачивает роль субъекта этого преодоления, становится исполнителем (чем далее, тем всё более и более по принуждению) стратегических решений партии-узурпатора власти, объектом её «вдохновляющих и организующих» «мобилизаций». Вместо народной демократии устанавливается политический режим, не гарантирующий даже общепризнанные права и свободы, предрасположенный к применению принуждения и репрессий.

Массовые нарушения прав и свобод граждан партия власти стремится оправдать ссылками на разнообразные

трудности, происки врагов социализма, развёртывает демагогическую пропаганду единства партии и народа, морально-политического единства общества и т.п. (См. *Морально-политическое единство; Трудности, временные трудности*).

Фактическое отстранение трудящихся от власти в обществе и в хозяйстве, превращение трудящихся в средство исполнения стратегий партии власти являются предпосылками и факторами деформирования самого характера социально-трудовых отношений и экономического строя. Отношения эти становятся по существу эксплуататорскими. Обычное возражение на такой вывод заключается в том, что эффект от общественного производства идёт трудящимся и только трудящимся. Но вопрос об эксплуатации заключается не только в том, сколько достаётся трудящимся, но и каким образом достаётся. Проблема присвоения (См. *Эксплуатация; Присвоение*) — это проблема властвования в хозяйстве. Когда партия власти сама по себе, без решающего участия народа, подменяя своими решениями решения народно-демократической власти, определяет пропорции распределения эффекта, то это по существу практика социальной резервации, а не социализма (См. *Социальной резервации теория*).

Доказано, что практика деформаций социализма в 20 веке — это практика жестокой эксплуатации трудящихся правящими кастами, выросшими из партий власти, узурпировавших власть в обществе и в хозяйстве. В сравнении с такой эксплуатацией допущение частного и частнокапиталистического укладов в переходный период при сохранении «командных высот» в хозяйстве за государственным социалистическом секторе — явление доброкачественное, не более чем тактическое использование смешанности экономики в интересах социалистического строительства (См. *НЭП*).

Деформации социализма обладают своей логикой (тенденцией) развития. От существенных нарушений устоев общества ситуация развивается в сторону привыкания трудового народа к возникшим деформациям,

к восприятию их как нормальных состояний. Так подготавливается (вызревает) перерождение социализма (См. *Деформаций и перерождений социализма теория*).

История знает очень мало случаев, когда предпринимались попытки преодоления деформаций социализма. Самой значительной из таких попыток была, пожалуй, «Пражская весна» 1968-1969 гг. (См. «Пражская весна»; «*Две тысячи слов...*»). «Пражская весна» была подавлена советской интервенцией в Чехословакию в августе 1968 г. (См. *21 августа 1968 г.*).

Ход четвёртой русской революции показал, что в СССР деформирование социализма зашло так далеко, что общественный строй реально переродился в антисоциалистический, тоталитарный (См. *Революция четвёртая русская 1989-1991 гг.*).

Научное изучение деформаций социализма весьма актуально как направление переосмысления исторического процесса в странах, попытавшихся в 20 веке строить социализм (СССР, КНР, Монголия, страны народной демократии в Европе и Азии, Вьетнам, Камбоджа, КНДР, Куба).

Литература: Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская Стратегия и тактика перестройки. – М.: «Наука». 1990; Очерки политической экономики социализма. – М.: «Наука». 1988. С. 57-65.

Б.В.Ракитский

Материалы для дискуссии по проблеме ПЯТОЙ Инвентаризация идейного арсенала марксизма и марксизма-ленинизма (живое и мёртвое в марксизме)

1.

Современного обществоведа, продолжающего историко-материалистическую линию первоначального марксизма, не удовлетворяют существующие теории эксплуатации (включая Марксову теорию прибавочной стоимости). Нужна более мощная, более доказательная, современная теория эксплуатации.

(Г.Я.Ракитская. 2003)

В 2003 г. опубликована монография Г.Я.Ракитской **СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ** (Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России) (Москва; Институт перспектив и проблем страны. 2003. 480 с.)

В этой монографии есть глава 3. «Эксплуатация как тип социально-трудовых отношений».

Содержание главы 3:

Предварительные замечания.

1. Общая теория эксплуатации и эксплуатации труда.

Современная теория эксплуатации.

2. Социально-трудовые отношения в глобализуемом мире.

3. Теория социальной резервации как развитие теории эксплуатации с учётом фактора глобализации.

Публикуем отрывок из параграфа 1 главы 3 — отступление от основного хода изложения современной теории эксплуатации, в котором тщательно разбирается учение К.Маркса об эксплуатации.

Г.Я. Ракитская

***О Марксовой теории эксплуатации
(О Марксовой теории прибавочной стоимости)***

Рассмотрим те звенья доказательств в существующих теориях эксплуатации, которые в современных условиях можно считать слабыми и подлежащими “снятию с вооружения”.

Обратимся к типичным дефинициям эксплуатации.

Наиболее распространенные определения эксплуатации – присвоение результатов чужого труда или присвоение результатов неоплаченного труда. К примеру: **“Эксплуатация** - ... присвоение результатов чужого труда собственниками *средств производства* в классово

антагонистических общественно-экономических формациях...”². Или: “Наёмный рабочий при вступлении в сделку с капиталистом получает от него лишь эквивалент стоимости рабочей силы и ничего более. Своим же трудом он не только воспроизводит стоимость рабочей силы, но создаёт и **прибавочную стоимость**, а капиталист присваивает этот результат неоплаченного труда наёмного рабочего”³.

Присвоенный результат чужого труда или присвоенный результат неоплаченного труда - эти определения ухватывают одну из содержательных сторон эксплуататорских отношений. Но они недостаточно строги, неполны, особенно если выводятся (вырываются) из контекста общественно организованного труда и производства. Такая примитивизация - не редкость для обыденного сознания и даже для нестроого научного и пропагандистского сознания. Сама по себе несоразмерность присвоенного результата и вклада в его производство, если не уточняются социальные условия ее превращения в эксплуатацию, может стать основанием для излишне расширительной трактовки эксплуатации и даже доведения до абсурда. Так, к эксплуататорам ни с того, ни с сего начинают относить детей, которых содержат родители, инвалидов, которых содержит общество, квартирных воров, присваивающих чужое имущество, и т.п.

Разумеется, когда наука изучает отношения эксплуатации, имеются в виду не отношения внутри семьи, между обществом и общественными иждивенцами, между работающими и ворами-преступниками и т.п.⁴ В

² Хандруев А.А. Эксплуатация // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Том 5. М. 1980. С.558.

³ Политическая экономия. Учебник для вузов. /Медведев В.А., Абалкин Л.И. и др. М. 1988. С.167.

⁴ Несомненно, внутрисемейные взаимодействия, иные своеобразные отношения в “нишах” и “сегментах” общества не исключены из системы общественных отношений. Однако макросоциальные взаимодействия (отношения) и их тип устанавливаются как доминирующие в системе, как в решающей

рассмотрение таких вопросов заводит ненаучная постановка проблемы эксплуатации и низведение этой проблемы до разбирательства, кто ухватил чей “кусочек пирога”⁵.

Сделаем, однако же, отступление и установим первоисточник распространенных ныне стереотипных определений эксплуатации. Рассмотрим учение К.Маркса об эксплуатации, как оно дано в первом томе “Капитала”, особенно в главе четвертой “Превращение денег в капитал”. К.Маркс велик, его и Ф.Энгельса открытия дали принципиально новое обществознание, новую идеологию и методологию. Последователям грех предавать своих предшественников и трусить перед напором критики, канонизировать тексты и не отступать от буквы. Если требуется развитие учения, надо его развивать.

Учение К.Маркса о прибавочной стоимости, считающееся теорией эксплуатации, сегодня не может быть удовлетворительной базой теории эксплуатации. Либеральная критика этого учения все еще настолько беспомощна, что не может его опрокинуть. Но это только потому, что методология либеральной науки метафизична и не дает ей возможности взглянуть на проблему целостно. Заменить “краеугольный камень” требуется не ради отпора либеральным критикам К.Маркса, а ради идейного перевооружения классов трудящихся и эксплуатируемых. Ныне программы действий этих классов могут и должны базироваться на более развитом научном фундаменте.

Прежде всего приходится с большим сожалением отметить, что в четвертой главе первого тома “Капитала”

мере обеспечивающие её устойчивость (возобновляемость в динамике) и вектор (историческую направленность).

⁵ *Приходится употреблять этот широко известный в буржуазном обществоведении термин. Оно старательно культивирует терминологию, подменяющую научные категории понятиями аттракционов и детских игр. Кроме “куска пирога” в ходу “игроки” (вместо субъектов общественного действия, даже и мирового масштаба) и другие подобные сюсюльки.*

К.Маркс с излишним старанием втискивает человека в модельное прокрустово ложе “экономического человека”, азартно не принимая во внимание всё человеческое, общественное и гражданское, что лишне для модели “экономического человека”. К.Маркс убирает из поля анализа всё, что “выходило бы за рамки анализа товара”⁶. Такой ход мысли был продиктован, по-видимому, внутренней установкой, согласно которой противоречия товара и логика развития товарного обращения порождают деньги, а деньги сами собой (в порядке самодвижения) превращаются в капитал. В истории, однако же, не так. Не деньги порождают капитал как исторически новую форму эксплуатации, а развитие системы эксплуатации на определенном этапе *осваивает товарно-денежные отношения* и перебирается из своей шкуры по преимуществу внеэкономического насилия в шкуру капитала.

То, что внутренняя установка, которую мы предположили, существовала и действовала, подтверждает, мне кажется, и то обстоятельство, что у *К.Маркса, Ф.Энгельса, у В.И.Ленина уничтожение эксплуатации мыслится непременно как уничтожение товарно-денежных отношений, рыночных отношений* (у Сталина и Пол-Пота это доведено до гротеска, до абсурда). Классики марксизма рассуждают так, будто рынок и товарно-денежные отношения порождают капитал и капиталистическую эксплуатацию. Это заблуждение дорого обошлось рабочему движению и существенно ослабило тактику большевиков после Октябрьской революции 1917 г., поставило под угрозу завоевания социалистической революции уже в 1918-1920 годах. Введение НЭПа (это при государственной-то власти у трудящихся и при сохранении “командных” высот на рынках) считалось отступлением.

⁶ *Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. М. 1960. С.180 (далее цитирую первый том “Капитала” по этому же изданию).*

Методологически слабый и неприемлемый для меня (и для научной школы, к которой я принадлежу) момент в Марксовом доказательстве эксплуатации (точнее, экономического механизма эксплуатации) можно выделить очень определённо. В четвертой главе первого тома “Капитала” К.Маркс задался целью доказать, что возможность самовозрастания стоимости (коренное, по его мнению, свойство капитала) заложена в особом свойстве товара рабочая сила. Если рабочая сила применяется не как товар, у неё этого свойства нет. В связи с этим К.Марксу требуется выявить и обозначить условия, необходимые “для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар”⁷.

Таких условий, оказывается, два. Сводя их вместе, К.Маркс пишет: “Таким образом, владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на товарном рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: в том смысле, что рабочий – свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы”⁸.

И следом за этим идет абзац, который обозначает ту **развилку мысли**, от которой К.Маркс повел анализ не лучшим, по моему мнению, образом. Вот этот текст:

“Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. И нас он пока интересует столь же мало. Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически. Одно во всяком случае ясно. Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это

⁷ Маркс К. Капитал. Том первый. С.179.

⁸ Там же. С.179

отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства”⁹.

Вот видите: “мы теоретически исходим из фактического положения вещей”, нас мало интересует, откуда взялся “рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка”. Позвольте, да К.Маркс ли это? Да, К.Маркс, поскольку целостный конкретно-исторический контекст изучаемого вопроса ему виден. Виден, но “пока интересует мало”, “выходит за рамки анализа товара”¹⁰.

Вывести эксплуатацию из внутреннего свойства отдельного товара! – вот исследовательское наваждение К.Маркса. Ради этого убираются все свойства и способности человека, кроме способности быть рабочей силой и на срок продавать ее как товар. К.Маркс тем самым полностью выводит человека из целостного общественного контекста ради того только, чтобы изобразить его равноправным с капиталистом товаровладельцем, юридически равным капиталисту лицом, который вел бы с капиталистом взаимоотношения как собственник с собственником¹¹. Это, что называется, тощая абстракция, выведшая К.Маркса из русла его гениального целостнообществоведческого, историко-материалистического подхода.

Следуя не К.Марксу, писавшему четвертую главу “Капитала”, а заложенной К.Марксом и Ф.Энгельсом историко-материалистической методологии, мы бы от процитированной развилки пошли *не к анализу товара рабочая сила, а к анализу социального положения человека, трудящегося, рабочего и* выявили бы

⁹ Маркс К. *Капитал*. Том первый. С.180.

¹⁰ Там же. С.180.

¹¹ См.: Маркс К. *Капитал*. Том первый. С.178.

реальную, а не формальную природу его свободы в двояком смысле. Мы бы сняли с трудящегося человека шутовские одежды “собственника”, “товаровладельца”, “равноправного с капиталистом юридического лица” и обнаружили бы следующее:

1) Ценность, которая называется личной свободой работника, оказалась использованной работодателем (капиталом) в корыстных целях понижения затрат на воспроизводство рабочей силы. Работодатель покупает рабочую силу исключительно на время, не берет на себя риск постоянного включения работника в процесс производства, оставляет за собой право не продлевать контракта. А работник нуждается в постоянной занятости. Риск необеспеченности средств существования при невозобновлении контракта несет лично свободный работник. Личная свобода работника позволяет работодателю обращаться с работником как с явлением временным. Что было с работником до найма и что будет после прерывания найма, - это “не интересует” нанимающего.

2) Называть человека, продающего рабочую силу, её собственником и товаровладельцем – такое возможно разве что в угоду модели, сводящей все общественные отношения к сугубо экономическим, а человека – к “экономическому человеку”. Об этом уже говорилось и еще будет говориться в этой книге.

3) Вслед за К.Марксом подчеркнем *вынужденность* “свободной” продажи рабочей силы. Лишённость нормальных условий для производства конкурентоспособного товара (для продуктивной занятости) – не случайность, не природный результат, а результат общественного развития в эксплуататорских формах.

Таким образом, двигаясь от “развилки мысли” по пути историко-материалистического анализа, мы пришли бы к иному, чем К.Маркс, выводу: чтобы эксплуатация могла начаться и осуществляться в капиталистической форме, она должна была иметься как тип (система) общественных отношений в докапиталистических формах, ибо *рыночные*

механизмы, товарно-денежные отношения, товары, деньги сами по себе ничего капиталистического (шире – ничего эксплуататорского) в себе не содержат. Законы рыночных механизмов – стоимостные (косвенные) соразмерения эффектов, эквивалентные обмены. У механизмов эксплуатации законы совсем иные.

Однако К.Маркс задался задачей, которую сформулировал так:

“Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарообмена, т.е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов”¹². В примечании к этой фразе К.Маркс усугубляет постановку задачи: “иметь перед собой в чистом виде явление образования капитала на почве товарного обмена”¹³.

Мы уж знаем, как развязал эту интригу К.Маркс. Он объявил, что один товар – товар рабочая сила – имеет свойство обмениваться эквивалентно и в то же время неэквивалентно. Кто знает, уж не повлияла ли в этом месте на К.Маркса, уже создавшего диалектический материализм, методология Эпикура, об атомистическом учении которого К.Маркс защитил докторскую диссертацию. У Эпикура все атомы двигались строго упорядоченно, но некоторые иногда и вдруг отклонялись от своих predetermined путей.

Рабочая сила продана за эквивалент. Результат труда продан за эквивалент. Прибавочная стоимость, тем не менее, произведена. Но разве “образование капитала” произошло “на почве товарного обмена” (а именно задача доказать это ставилась К.Марксом, стр.176-177)? Нет. По предложению К.Маркса (стр.186-187), мы оставили “шумную сферу обращения” и опустили “в сокровенные недра производства” и познакомились “не только с тем, как капитал производит, но и с тем, как его самого производят”. Так полагал К.Маркс. Но с ним очень трудно согласиться.

¹² Маркс К. *Капитал*. Том первый. С.176.

¹³ Там же. С.177.

Не требуется большого воображения, чтобы убедиться, что из выручки за товары, произведенные наемным трудом, капиталист уплачивает наемным работникам только часть. Более того, он уплачивает только часть из того прироста стоимости, которую дало полезное (эффективное) применение рабочей силы. Стоимость рабочей силы меньше вновь созданной стоимости.

Но разве такое соотношение – прирожденное, естественное свойство рабочей силы? Почему стоимость рабочей силы и заработная плата не могут достигать величины всей вновь созданной стоимости? Или могут? Эти вопросы остаются за пределами исследования, не выходящего, по словам Маркса, “за рамки анализа товара”. Законы товарного эквивалентного обращения в этом анализе не нарушены. Образование капитала (самовозрастание стоимости) произошло, может быть, и “на почве” товарного обмена, но все же не в товарном обмене, а за его пределами. Стало быть, не рыночные отношения порождают капитал (но этот вывод не делается К.Марксом и “антитоварниками” вплоть до современных троцкистов, считающих себя последователями К.Маркса). Единственное, что установлено, так это факт уплаты наемному работнику не всей, а лишь части вновь созданной живым трудом стоимости. Отсюда и берут свое начало стандартные определения эксплуатации и прибавочной стоимости типа приведенных выше.

Обсудим теперь по существу слабости (недостаточность) существующих обоснований феномена эксплуатации. Именно недостаточность, а не ошибочность. Оба постулата, на которых основаны существующие теории эксплуатации, не содержат в себе неверных положений. Все положения этих постулатов верны. Положения обоих постулатов верны. *Верны, но недостаточны. Для чего недостаточны?* Для проникновения в существо отношений эксплуатации. В этих положениях - из-за методологического сбоя - ухвачено не всё существенное. Сбой состоит в том, что предмет исследования (отношения эксплуатации как тип

общественных отношений) выведен, оторван от целостного общественного контекста, помещен в контекст “анализа товара” и товарного обращения, а когда этого оказалось недостаточно для доказательства, - в контекст индивидуального (единичного) капиталистического (с наемным трудом) предприятия, в контекст производства конкретным капиталистом конкретного товара с использованием наемного труда.

Всё исследование замкнулось у К.Маркса в *экономической* сфере. Всё, что связывает эту сферу с целым обществом, его интересовало “пока столь же мало”, как и владельца денег. И напрасно. Потому что владелец денег, желающий превратить их в капитал, не выясняет суть системы капиталистической эксплуатации, не озабочен закладыванием краеугольного камня пролетарской политической экономии и идеологии рабочего движения.

Выводы, полученные из “анализа товара”, научно гораздо скуднее выводов, полученных из анализа общества в целом. Товар непригоден как клеточка для исследования общественной системы. Исследуя товар и его противоречия, можно логично прийти лишь до появления денег, но невозможно объяснить, почему деньги превращаются в капитал. Сама научная постановка проблемы оказывается неудовлетворительной. Вместо того чтобы доказывать, что деньги, осуществляя самодвижение, превращаются в капитал, надо было бы поставить вопрос иначе: *зачем, при каких обстоятельствах система эксплуатации овладела товарно-денежными механизмами и породила свою качественно новую форму – капитал* (не как вещь, не как имущество, а как тип отношений эксплуатации).

В этой связи требуется присмотреться к категории “*присвоение*”. Она используется обычно так, будто ее смысл не требует раскрытия, будто он изначально понятен и однозначен. Я уже упоминала, что “по умолчанию” понятию “присвоение” придается смысл обыденного “взять себе”.

В этом своем значении понятие “присвоение” может вполне успешно обслужить научное описание лишь имущественных отношений (то есть субъектно-объектных) и быть конкретизировано в присвоение-распоряжение, присвоение-владение, присвоение-пользование и др. В этом же своем значении понятие “присвоение” пригодно для описания гражданско-правовых имущественных отношений (когда употребляются такие, например, обороты: “собственность и другие вещные отношения”). На таком смысле понятия “присвоение” покоятся размышления тех критиков теорий эксплуатации, которые под эксплуатацией понимают использование, полезное применение, разработку, вовлечение в хозяйственный оборот. Для них что эксплуатация труда, что эксплуатация газовых месторождений, что эксплуатация оборудования – всё одно и то же¹⁴.

Конечно, и “имущественный” смысл присвоения (“взять себе”, “отхватить”, “не отдать другим”), говоря словами К.Маркса, “несет на себе следы своей истории” и целостного общественного контекста. Это воспроизводственный контекст. Логическая структура воспроизводства известна: производство – распределение – обмен – потребление. Присвоение в “имущественном” смысле оказывается процессом и результатом фазы (сферы) *распределения*. Однако одного только “имущественного” смысла присвоения обществоведению и даже политической экономии мало.

Выявляя законы движения тех или иных типов обществ, политическая экономия и обществоведение в целом обращаются к противоречию характера

¹⁴ Например: “Как было показано целым рядом исследователей, при капитализме эксплуатации подвергается не только товар рабочая сила, но все товары. По словам Дж. Рёмера, вполне можно было бы выдвинуть “стальную” теорию эксплуатации, “нефтяную”, “зерновую” и столь же убедительно доказывать, что прибыль может быть положительной тогда и только тогда, когда имеет место эксплуатация стали, нефти или зерна” (Капелюшников Р. Эксплуатация: термин с блуждающим смыслом // МЭ и МО. 1992. № 12. С.78).

производства (точнее – воспроизводства) и характера присвоения. К примеру, противоречие общественного (обобществленного) характера капиталистического производства и частнокапиталистической формы присвоения. Категорию “присвоение” привлекают здесь к обозначению свойств *общественной формы* воспроизводства. Может быть, этого делать и не следует, оставив присвоению его “имущественный” смысл. Но факт есть факт: присвоение употребляется и в ином смысле, нежели имущественный. Принципиальное расхождение между этими смыслами в том, что в “имущественном” смысле присвоение есть отношения субъектов к объектам, а в другом (неимущественном) смысле – отношения между субъектами, субъектно-субъектные отношения.

Субъектно-субъектные отношения присвоения – это *властные отношения*, в том числе властно-хозяйственные (собственность есть власть в хозяйстве; это понимание собственности в политической экономии достаточно известно).

Внимательный анализ показывает, что существующие теории эксплуатации, применяя понятие “присвоение”, применяют его в “имущественном” смысле. ***Трактовка эксплуатации через “имущественное” понимание отношений присвоения – трактовка плоская, недостаточная, оставляющая в стороне самое главное в отношениях эксплуатации.***

В самом деле, что, собственно говоря, дает нам для понимания отношений эксплуатации ее определение как присвоения результатов чужого труда или результатов неоплаченного труда? Какие позитивные и негативные познавательные и практические следствия проистекают из такого подхода, порожденного научным анализом, ограниченным “анализом товара”?

Первое. Превращение денег в капитал трактуется как закономерное следствие саморазвития товарно-денежных отношений. Оно (это превращение) проистекает якобы из внутренних свойств товара и денег (говоря словами К.Маркса, “на основе имманентных законов

товарообмена”, “на почве товарного обмена”¹⁵). Как только пространство рынка (товарно-денежного обращения) распространяется настолько, что товаром становится рабочая сила и деньги могут покупать этот товар, деньги превращаются в капитал. Наём, получается, порождает капитал.

При таких трактовках устранение капиталистической формы эксплуатации из жизни общества неизбежно требует отказа от использования в организации хозяйства товарно-денежных отношений и рынка. Антитоварная идеология при таком подходе становится единственно адекватной социалистической (и коммунистической) идеологии.

История приступа к хозяйственному строительству после Октябрьской революции (1917 г.) показала всю тупиковость и все трудности, проистекавшие на практике из такого отождествления социализма (коммунизма) и безтоварности. Но история тоталитаризма в СССР показала еще более отчетливо, как опасна антитоварная идеология. Реформы 1929-1933 гг., закрепившие в хозяйственной сфере сталинскую контрреволюцию, сломали наладившиеся было механизмы социалистического рынка, перевели хозяйственный механизм в режим командно-карательного управления, сделали идеалом хозяйственного оборота “прямой

¹⁵ В русском переводе слова “на основе”, “на почве” предоставляют возможность отступления и обороны Марксовой методологии “анализа товара”. Как-никак, а он увел исследование из обращения в производство, а к тому же предупредил, что капитал “должен возникать в обращении и в то же время не в обращении” (с.176).

И всё же ...Тайна прибавочной стоимости раскрыта как тайна, свойственная не рабочей силе как таковой, а рабочей силе, ставшей товаром. Наём, использование в производстве купленной-проданной рабочей силы, вовлечение рабочей силы в рыночный оборот в качестве товара – вот причина превращения денег в капитал по методологии “анализа товара”. Говоря просто, по логике этого анализа, деньги превращаются в капитал не потому, что их много, а потому, что их способность всё покупать добралась до особого товара – рабочей силы.

продуктообмен”. Хозяйствование “без услуг прославленной стоимости” (выражение Ф.Энгельса) оказалось в практике XX века адекватным сталинистской (и не только сталинистской) разновидности фашизма.

К счастью, капитал возникает не из обращения, не из-за превращения денег в средство покупки рабочей силы, не из-за превращения рабочей силы в товар. Более того, капитал возникает не из внутренних закономерностей собственно экономической (хозяйственной) системы. Мы это покажем чуть ниже. И покажем тем самым, что идеология и теория антитоварности, враждебности к товарно-денежным отношениям и к рынку, то есть “рыночный нигилизм”, свойственный догматическим и левацким течениям (называющим себя то марксистскими, то левыми) - следствие методологического заблуждения у основателей-идеологов, излишней прямолинейности у первого поколения их последователей и фанатического скудоумия – у современных последователей.

Второе. Суть эксплуатации усматривается в том, что часть вновь созданной стоимости присваивается (берется себе) капиталистическим предпринимателем, собственником средств производства.

Стоимость рабочей силы меньше вновь созданной стоимости – вот часть открытой К.Марксом тайны прибавочной стоимости. Однако подобная пропорция характерна не только для капиталистического способа производства, но и для всякого расширенного воспроизводства. Деление на необходимый и прибавочный продукт – пропорция любого расширенного воспроизводства. Капитал не изобрел этого деления и не он одарил человечество этой пропорцией. Докапиталистические формы эксплуатации состояли в изъятии (присвоении) прибавочного продукта эксплуататорами (господствующими социальными группами – собственниками).

Вопрос о том, почему прибавочный продукт стал так называемой прибавочной стоимостью, не может быть решен на основе “анализа товара”. Всё, что можно извлечь из “анализа товара”, - это то, что в стоимости товара

содержится стоимость прибавочного продукта, а в цене товара – цена прибавочного продукта. Из “анализа товара” не доказывается капиталистический характер движения прибавочного продукта и даже вообще эксплуататорский характер его “присвоения”.

Вспомним, как заговорил К.Маркс, когда в качестве социалистической альтернативы был предложен неурезанный трудовой доход. Почитаем его “Критику Готской программы”. Стало быть, и К.Марксу было ясно, что само по себе присвоение прибавочного продукта не тем конкретным работником, который создал его своим трудом, не есть еще свидетельство эксплуатации.

Чтобы доказать превращение прибавочного продукта в сугубо капиталистическую форму эксплуатации – по терминологии К.Маркса, в прибавочную стоимость – одного только “анализа товара” недостаточно. Да, строго говоря, он для этого и вообще не нужен.

Третье. Из “анализа товара” проистекает вывод об *объективном характере* стоимости рабочей силы. Сам по себе этот вывод (что стоимость рабочей силы есть объективная экономическая реалья) верен, но тот способ, каким этот вывод получен, затемняет содержательную природу этой объективности и не подвигает рабочего к социальной активности, к классовой борьбе.

В самом деле, при методологии “анализа товара” К.Маркс начинает “ближайшее рассмотрение” своеобразного товара, рабочей силы, с весьма и весьма сомнительного утверждения: “Подобно всем другим товарам он обладает стоимостью”¹⁶. Далее следуют попытки провести аналогии стоимости рабочей силы и всякого другого товара. При этом вновь и вновь отодвигается в сторону не только общество, в котором живет носитель рабочей силы, живой целый человек, но и сам этот человек. Способность к труду вырвана из целостного контекста, человек низведен до экономического человека, до фактора производства. Объективность стоимости товара рабочая сила, по

¹⁶ Маркс К. *Капитал. Том первый. С.181.*

К.Марксу, состоит в том, что “его стоимость, подобно стоимости всякого другого товара, была определена раньше, чем он вступил в обращение, потому что определенное количество общественного труда уже было затрачено на производство рабочей силы ...”¹⁷.

Вот к чему приводит методология “анализа товара”. Получается некая *предопределенность* уровня нормального заработка. Нормальный заработок – тот, который в точности (или почти в точности) соответствует стоимости, а она, в свою очередь, определяется величиной рабочего времени, которое требуется для производства определенной суммы жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы.

К.Маркс мало обращает внимания на то обстоятельство, что в состав необходимого продукта (необходимых жизненных средств) включается только то, что *необходимо покупателю и пользователю* наемной рабочей силы. Кто формирует состав подлежащих воспроизведению качеств рабочей силы? Разве не покупатель? А как же продавец – он может требовать чего-то, что необходимо ему как человеку, хотя не необходимо работодателю?

Так поставленные вопросы наталкиваются на холодную отповедь “анализа товара”: они выходят за его рамки и “мало интересуют” анализирующего товар. Однако такая постановка вопроса правомерна. И она заставляет оставить в стороне “анализ товара”, а заняться анализом общества, его структуры, социально-структурными пропорциями, соотношением и борением социальных сил. Массовые общественные силы, действующие сознательно и в соответствии со своими интересами, - феномены реальные, объективные, а по К.Марксу, даже и материальные. Но такой анализ идет к стоимости рабочей силы как к объективной категории совсем с другой стороны, чем “анализ товара”.

Такой анализ ставит в центр внимания соотношение социальных сил, выходит на социальное положение

¹⁷ Там же. С.184.

трудящегося как на результат этого соотношения. Для данного конкретно-исторического соотношения социальных сил и соответствующего ему социального положения трудящихся рассматривается далее нормальный уровень экономических ресурсов существования и развития. Вот он-то и есть уровень необходимого продукта, объективная стоимость рабочей силы. При купле-продаже рабочей силы эта объективная стоимость и служит законом цен на рабочую силу. В конце концов вроде бы так же, как у Маркса при “анализе товара”. Но это вроде бы и в конце концов. На самом деле разница принципиальная, поскольку при “анализе товара” стоимость рабочей силы – явление по природе своей рыночное, экономическое, а при целостнообществоведческом анализе – явление макросоциальное, результат соотношения классовых сил в обществе, что в экономике и, в частности, при купле-продаже рабочей силы проявляется. Не формируется, заметьте, а проявляется. Стоимость рабочей силы объективно складывается не в экономике, а на уровне общественного устройства, в итоге взаимодействия (столкновения) и соотношения социальных сил. Но ведь точно так же обстоит дело не только со стоимостью рабочей силы, а со всеми экономическими категориями, которые отражают общественные интересы. Поэтому-то они и называются не просто экономическими, а гораздо точнее и глубже – политико-экономическими.

Кстати сказать, методология “анализа товара” в принципе не способна объяснить, отчего это в 90-е годы в России сперва цена, а затем, очевидно, и стоимость рабочей силы понизилась в разы, притом скачком. Что произошло в экономике, в мире товаров объективного, чем можно этот скачок объяснить? Причины лежали не в экономике, а в обществе, в социально-структурных переменах.

Я полагаю, что сказанного достаточно, чтобы уяснить, чем именно не удовлетворяют современного обществоведа, продолжающего историко-материалистическую линию первоначального марксизма,

существующие теории эксплуатации. Нужна более мощная, более доказательная, современная теория эксплуатации.

2.

«Марксов методологический сбой состоит в применении экономического детерминизма вместо исторического материализма» (Б.В.Ракитский 2010)

В 2011 г. опубликована работа Б.В.Ракитского «О способах и перспективах общественного бытия (историко-материалистический очерк)» (М.: Институт перспектив и проблем страны. 2011. 94 с.). Приводим текст параграфов 4 и 5 этой работы как материал для дискуссии по пятой теме симпозиума. Работа печаталась также в выпусках 7 и 8 «Обществознания большинства» (размещены на сайте ШТДР www.shkolatd.ru)

Б.В.Ракитский

4. Экономический детерминизм в экономических исследованиях К.Маркса и его частичное дезавуирование Ф.Энгельсом

К. Маркс в решающей степени облегчил нам понимание того, какой была методология его исследования системы буржуазной экономики. В январе 1859 года он написал «Предисловие» к своей книге «К критике политической экономии»¹⁸. В этом «Предисловии» есть один большой абзац, который приводим здесь полностью, чтобы он был у читателя под рукой, когда мы станем анализировать методологические принципы Марксовых экономических исследований.

«Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был

¹⁸ Книга издана в 1859 г. в Берлине. На русском языке напечатана в томе 13 2-го издания Сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса (Москва. Госполитиздат. 1959). По этому изданию мы и цитируем.

критический разбор гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в 1844 г. в издававшемся в Париже «Немецко-французском ежегоднике». Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г-на Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришёл и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определённой степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной степени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм

развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот _в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по её сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия её решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества

производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»¹⁹.

Если бы не эти 1,5 — 2 страницы в «Предисловии», то гораздо сложнее было бы доказать, что автор «Капитала» руководствовался экономическим детерминизмом. Конечно, сам «Капитал» даёт для доказательства этого вывода достаточно оснований. Но ведь перу К.Маркса принадлежит не один только «Капитал». Имеются произведения, в которых нет и следов экономического материализма. Именно эти произведения, взятые с «Капиталом» как единое целое, и затрудняют отчётливое видение метода исследования в «Капитале». Всё кажется, что один и тот же уважаемый тобою мыслитель не может пользоваться взаимоисключающими методологиями²⁰.

¹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 13. Стр. 6-8. — М.: Госполитиздат. 1959.

²⁰ Должен определённо заявить, что не раз и не два в своих публикациях я оценивал «Капитал» К.Маркса как образец применения целостно обществоведческого подхода. Например, в коллективной монографии «Очерки политической экономии социализма» (М.: «Наука». 1988) на стр. 13 я писал: «Уместно напомнить, что «Капитал» — это исследование целостно обществоведческого характера, в котором автор, исследуя экономический базис капитализма, оперировал знаниями об обществе и о формации в целом».

При более внимательном изучении «Капитала» я обнаружил, что в «Капитале» этот самый экономический базис рассматривается без существенной увязки с характеристиками общества и формации в целом. Яркий пример тому — логический сбой при переходе от первого раздела ко второму. Превращение денег в капитал К.Маркс пробует объяснить развитием его (капитала) денежной природы. Узурпация власти в хозяйстве, социально-политические процессы не понадобились К. Марксу для объяснения процесса превращения денег в капитал. Глава о первоначальном накоплении вынесена далеко вперёд, но и в ней не внесены коррективы в объяснение процесса превращения денег в капитал.

Будучи последователем К.Маркса и Ф. Энгельса в выработанном ими целостно обществоведческом подходе, я

В самые последние годы появились новые косвенные свидетельства необходимости внимательнее присмотреться к методу «Капитала» как исследования. Эти новые свидетельства — неоднократные признания российских адептов либерального фундаментализма, что они чуть ли не марксисты, а то и прямо марксисты. Уж кому-кому, а этому-то течению мысли целостно обществоведческий подход явно чужд. И тем не менее они отдают должное экономическим исследованиям К.Маркса! Объясняется это просто: их методология — экономический детерминизм (как и у К. Маркса в «Капитале»).

Проанализируем очерк методологии, компактно данный К.Марксом в «Предисловии». Ещё раз подчеркнём, что это, по словам самого К.Маркса, методология исследования им «системы буржуазной экономики», «руководящая нить в моих дальнейших исследованиях» (стр. 6).

Обобщающее (и исходное в изложении метода) положение таково: устройство общества, «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» (стр. 6).

Что понимать под политической экономией? Учение об экономике, то есть об экономических процессах и тех отношениях, которые складываются между людьми по поводу (в ходе) этих процессов. Экономические процессы — это процессы образования и движения богатства народов. Предметная область тогдашней (классической) политэкономии именно так очерчена А.Смитом, оказавшим на экономическую и общественную мысль сильнейшее влияние²¹. К. Маркс в своих экономических исследованиях

долго не различал, что в «Капитале» применён не этот подход, а экономический детерминизм (экономический материализм). Лишь предметно изучая теоретические проблемы эксплуатации и иные социально-политические отношения, я обнаружил, что метод «Капитала» и целостно обществоведческий метод — принципиально разные методы.

²¹ *Далеко не все знают и помнят, что влияние А.Смита распространялось и на естественно-научную мысль. Так, Ч. Дарвин именно под влиянием книги А.Смита придал борьбе всех*

явно находится под этим влиянием. Правда, как и другие последователи А.Смита, как всё послесмитово поколение экономистов, К.Маркс намного сильнее, чем сам А. Смит, отделяет экономические процессы от целообщественных.

Вот пример. А.Смит, считавший «невидимую руку рынка» универсальным регулятором экономической жизни, при рассмотрении процессов формирования заработной платы самое пристальное внимание уделил соотношению классовых сил. К. Марксу в 1 томе «Капитала» соотношение классовых сил для объяснения природы и уровней заработной платы не потребовалось. Более того, К.Маркс уличил буржуазную политическую экономию в неспособности объяснить категорию «цена труда» сугубо в рамках экономических рассуждений, сугубо экономическими аргументами. Но если А.Смит выходит из положения, привлекая для объяснения экономических явлений классовую борьбу, то К. Маркс наглухо перекрывает такой ход мысли и находит способ объяснить всё сугубо в рамках экономической теории. Он низводит цену труда до цены рабочей силы, а наёмного рабочего — до товара рабочая сила. После этого «прогресса» ничто неэкономическое уже не требовалось Марксовой политической экономии: она отделилась (оторвалась) от целообщественных процессов. Центральное социально-структурное отношение капиталистического общества — капиталистическая эксплуатация — также стало отношением сугубо экономическим, а именно отношением извлечения капиталистом прибавочной стоимости из особых свойств товара рабочая сила. К.Маркс был уверен, что доказал существование капиталистической эксплуатации, не выходя за пределы анализа товара²².

Таковыми вот результатами закончилось стремление К.Маркса искать анатомию гражданского общества в политической экономии. В методологическом отношении суть дела вот в чём: К.Маркс задался целью найти

против всех (борьбе за существование) преувеличенное значение в объяснении происхождения видов.

²² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 23. Стр. 180. — М.: Госполитиздат. 1960.

анатомию целого в анатомии его части, то есть понять устройство общества в целом, раскусив устройство важной, но всё же одной из частей общества. Преследуя эту цель, К Маркс не отдал должного связям этой части (экономики) с обществом в целом, общественному контексту. В итоге экономические категории приобрели смысл, существенно искажавший природу реальных экономических процессов в реальном обществе. К примеру, отношения найма в реальном капиталистическом обществе суть отношения реальной социализации человека в условиях капиталистической эксплуатации. У К. Маркса же в «Капитале» отношения найма — процесс купли-продажи товара рабочая сила на рынке труда. Всё человеческое, всё социальное оказывается при этом не востребуемым. Ну, как либералам-фундаменталистам не брататься после этого с автором «Капитала», если и у них «человек экономический» — главный герой всех их произведений и реформ?!

В «Капитале» К. Марксу не понадобились для объяснения движения общества ни социальные группы (классы), ни их идеологии, ни классовая борьба. Вообще не потребовались социальные субъекты, оказалось достаточно «экономических агентов», сторон сугубо экономических отношений. Это потому, что «Капитал» — книга не об обществе, а об экономике. Для К.Маркса это было по своему сущностному устройству одно и то же — общество и его (общества) экономика (иначе бы он не искал анатомию гражданского общества в политической экономии). Но для нас это далеко не одно и то же. На историческом опыте мы уже поняли, что значит руководствоваться экономико-материалистическими взглядами на общество²³. Нам теперь очень важно понять,

²³ Мы внуки и правнуки тех, кто в начале XX века свершил в России три революции и выиграл Гражданскую войну. Это было доблестное и солидарное поколение трудящихся. Но когда оно приступило к послереволюционному созиданию, оно терпело поражение за поражением и в итоге допустило и массовый террор, и рабский труд, и тоталитаризм (фашизм). Оно руководствовалось, среди прочего, экономической теорией

как случилось, что К.Маркс абстрагировался в «Капитале» от классовой борьбы, от социальной структуры, от субъектов социальной политики, вообще от социальной природы экономических процессов.

Ответы на эти вопросы находим у самого К.Маркса в том же его «Предисловии».

Экономические отношения (реальный базис, экономическая структура общества) объективны для К. Маркса, он сам указал, в каком смысле: они определённые, необходимые, не зависящие от воли людей. Определённые формы общественного сознания соответствуют экономическому базису. «Социальные, политические и духовные процессы жизни вообще» обусловлены способом производства материальной жизни общества. Такова часть ответов К.Маркса.

Получается, что за пределы материального (в философском смысле слова) К.Маркс выводит всё общественное (социальное, политическое, духовное), оставляя в пространстве материального лишь производительные силы и экономические отношения. Такой подход не очень-то совместим с представлениями об обществе как об особой (общественной) форме движения материи. Ведь ампутируется всё сугубо общественное, осознанность, волевой характер деятельности людей. Общественная форма движения материи признаётся материальной лишь в объёме способа производства материальной жизни, то есть в объёме материальных производительных сил и экономического базиса.

Отметим попутно, что с таким подходом едва ли увязываются чеканные истины самого К. Маркса: «...материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает

К.Маркса. Оно ударилось в борьбу с рынком и товарным производством (руководствуясь антитоварными воззрениями «Капитала») вместо того, чтобы последовательно бороться с эксплуатацией и не допускать новых форм эксплуатации.

массаами»²⁴ и вот ещё: «Подобно тому, как философия находит в пролетариате своё *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии своё *духовное* оружие...»²⁵ Но это писано за 15 лет до «Предисловия», за 23 года до выхода в свет 1 тома «Капитала», в январе 1844 г. К.Маркс ещё не был тогда политэкономом, не был загипнотизирован экономическим детерминизмом.

От воли людей экономические отношения, по К.Марксу, не зависят. Перевороты в способах производства (эпохи социальных революций) происходят по потребностям производительных сил в их развитии. В условиях конфликта производительных сил с экономическим базисом конфликтный вид приобретают все надстроечные (идеологические) формы жизни. «...Люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» (стр.7). Ах, вот как!? Борются за разрешение конфликта материальных производительных сил и материальной же экономической структуры общества? Так ведь оговорено же выше, что эти материальные реалии не зависят от воли людей! В чём же тогда смысл борьбы?

В «Предисловии» нигде не употреблены слова, означающие, что К.Маркс отрывает движение производительных сил и базиса от движения общества в целом или отождествляет оба движения. Общество остаётся структурным, но в нём возникает конституирующая его структура — производительные силы и базис. От движения этой конституирующей структуры зависит, как вторичное от первичного, всё движение общества. Таков взгляд К.Маркса на общество и его движение. Этот взгляд мы квалифицируем как экономико-детерминистский. От него-то мы и стремимся избавить историко-материалистический, целостно обществоведческий подход.

Для меня и для всей научной школы, к которой принадлежу, Карл Маркс — один из непосредственных

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 1. Стр. 422. — М.: Госполитиздат. 1955.

²⁵ Там же. Стр. 428.

наших предшественников, Учитель, создатель (вместе с Фридрихом Энгельсом) непревзойдённой методологии обществознания — целостного обществоведческого подхода. Критика каких-либо текстов, написанных К. Марксом, требует осмотрительности. Решиться на такую критику можно, лишь подумав, подумав и ещё раз подумав. В связи с этим для меня крайне существенно, что экономико-детерминистские сюжеты К.Маркса в конце 19 века признавал несовершенными Ф. Энгельс и даже частично дезавуировал их. Этот вклад Ф.Энгельса в историю материалистического обществознания мы обязаны и ценить, и возможно глубже осмысливать. Приведу ряд высказываний Ф. Энгельса по интересующей нас проблеме.

В письме Йозефу Блоху 21-22 сентября 1890 г. Ф.Энгельс так резюмирует затронутую проблематику:

«Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодёжь иногда придаёт больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчёркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки»²⁶

Получается так: Ф.Энгельс допускает, что в теории мог быть перекос — придание экономическому фактору большего значения, чем следует, и занижение должного значения остальных факторов. В практике подобной ошибки быть не могло.

В том же письме Ф.Энгельс значительно смягчает степень жёсткости влияния развития производства на исторический процесс. Смягчает в двух отношениях: 1) в историческом процессе производство и воспроизводство действительной жизни является «определяющим

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 37. Стр. 396. — М.: Госполитиздат. 1965.

моментом *в конечном счёте*»; 2) экономический момент не является *«единственно определяющим моментом»*²⁷.

Несмотря на все смягчения основная позиция остаётся всё же примерно в том же виде, что и до смягчений:

«Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* её различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и её результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т.п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счёте прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что её не существует)»²⁸.

Что же имеем в результате? Экономическое движение есть необходимое, всё остальное в обществе — бесконечное множество случайностей. От случайного зависит форма протекания, а конечный содержательный результат — от экономического движения. Если проследить логику исторического процесса, то внутренней связью вещей и событий можно и пренебречь, считать, что её не существует. Другое дело — экономика.

Стало быть, в основе всё же те же самые подходы, что и у К.Маркса в его «Предисловии» 1859 г. Но в чуть менее категорической, нежели у К.Маркса, форме, с некоторыми комментариями.

²⁷ Там же. Стр. 394.

²⁸ Там же. Стр. 394-395.

Есть ещё один важный документ — письмо Ф.Энгельса Ф. Мерингу 14 июля 1893 г.²⁹ В нём также констатируется как недостаток определённая односторонность изучения базисных и надстроечных отношений, а именно одностороннее подчёркивание вторичности, производности надстроечных отношений от базисных³⁰. Но есть и рассуждение, помогающее противопоставить экономическому детерминизму историко-материалистический детерминизм. Вот это рассуждение:

«В связи с этим находится также нелепое представление идеологов: не признавая самостоятельного исторического развития различных идеологических областей, играющих роль в истории, мы отрицаем и всякую возможность их *воздействия на историю*. В основе этого лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто почти намеренно забывают о том, что историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины»³¹.

Взаимодействие — вот аспект рассмотрения общественных реалий для диалектического понимания причинно-следственных отношений. Суть наших сомнений как раз и состоит в том, не лежит ли в основе Марксовых представлений о взаимоотношении базиса и надстройки «шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих полюсах» и не упускается ли из виду их реальное, диалектическое взаимодействие. Ф.Энгельс, понятное дело, решительно отмёл бы это наше сомнение. У нас же оно больше, чем сомнение.

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 39. Стр. 82-86. — М.: Госполитиздат. 1966.

³⁰ Там же, стр. 82.

³¹ Там же, стр. 84.

5. Фетишизация производительных сил (особенно материальных производительных сил) и материального производства

И индивидуальному, и общественному сознанию свойственно отображать причинно-следственные связи общества и природы и внутри общества в искажённом виде, так, что причина кажется и трактуется следствием, а следствие – причиной. К. Маркс в «Капитале» великолепно показал это на примере товарного фетишизма (товарно-денежного фетишизма). Товарный фетишизм содержательно заключается в том, что товарная (и денежная) форма движения результатов производства (благ) представляется сознанию причиной их включения в общественное разделение и в общественную кооперацию труда. Продаваемость, ликвидность – вот свойство, которое делает блага (и производящую их деятельность) пригодными для обмена деятельностью в обществе. Реально же дела обстоят как раз наоборот: благо потому может стать ликвидным товаром (и деньгами), что оно – результат труда, являющегося звеном общественно организованного труда (общественного хозяйства, воспроизводства). Чтобы быть звеном реального обмена деятельностью, ни конкретному виду труда, ни конкретному благу не обязательно становиться товаром и обмениваться на деньги. Обязательным это становится лишь в товарном (рыночном) хозяйстве.

В рассказе Р.Шекли «Задать вопрос» есть персонаж в набедренной повязке. Он требовал от инопланетного информатора-прогрессора краткого, точного, конкретного ответа на свой сугубо практический вопрос: «Какой величины должен быть лук, чтобы стрелой из него можно было сбить с неба Солнце?» Прогрессор перегорел, и в этом удачный для него выход из положения. Он никогда не смог бы убедить дикаря, что не всё, появляющееся на небе, можно подстрелить из лука. Дикарь фетишизировал лук так же, как его далёкий потомок фетишизирует деньги.

Экономический детерминизм, свойственный экономическому учению К.Маркса, дополняется (а можно

сказать, и фундируется) фетишизацией производительных сил и материального производства. Не станем придирается к степени точности или неточности определения материального производства и производительных сил К.Марксом. Просто приведём ряд его оригинальных положений. В этих принципиальных положениях подчёркивается причинная, первичная роль материального производства и производительных сил (а то и материальных производительных сил³²) по отношению к иным общественным реалиям.

Вот часть уже приводившегося выше «Предисловия» к книге 1859 г.: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы

³² В окостенелых формулировках «исторического материализма» (каким он сложился как государственная идеология в СССР) встречается и такая: люди, трудящиеся — важная составная часть производительных сил. Например: «...Производительные силы — это единство труда накопленного и труда живого, единство людей и средств труда, осуществляющееся в процессе производства» (Д.И.Чесноков. Исторический материализм. Издание второе, доработанное. — М.: Изд. «Мысль». 1965. Стр. 65). Такие формулы — эпигонский «учёт» Ленинского высказывания: «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся» (Ленин В.И. ПСС, т. 38, с. 359) и Сталинского определения производительных сил (Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. — М.: Госполитиздат. 1954. Стр.589). В связи с этим обратите внимание, что у К.Маркса в качестве первопричин общественного устройства, бытия и развития фигурируют не эти, включающие трудящегося, производительные силы, а **материальные** производительные силы. Это у К.Маркса не оговорка, а концептуальный момент. К нему мы вернёмся при рассмотрении категорий «объективное» и «материальное» в обществознании.

общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»³³.

В «Теориях прибавочной стоимости» (с января 1862 по июль 1863 г): «...Из определённой формы материального производства вытекает, во-первых, определённая структура общества, во-вторых, определённое отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим. Следовательно, этим же определяется и характер их духовного производства»³⁴

Меня заботит не точность или неточность формулировок понятий «производительные силы», «материальные производительные силы» и «материальное производство», а представления К.Маркса (и многих его последователей) о роли производительных сил (особенно материальных производительных сил) и материального производства в развитии общества. Именно в толковании этой роли и состоит, на мой взгляд, фетишизация производительных сил (особенно материальных производительных сил) и материального

³³ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 13. Стр. 6-7. — М.: Госполитиздат. 1959.

³⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 26, часть 1. Стр.279. — М.: Госполитиздат. 1962.

производства подавляющим большинством обществоведов, считающих исторический материализм своей идеологией и методологией своих исследований.

Как ни глумился К.Маркс (и справедливо, по-моему) над шотландским материализмом, сам он не преодолел его в своём «Капитале» и вообще в своём экономическом учении. Производителем (в смысле «создающим стоимость», продукт, богатство, рассмотренным независимо от его общественной формы) К.Маркс однозначно считал труд в материальном производстве, то есть труд по воздействию на природный предмет труда или на вещь³⁵. Вся структура «Капитала» убеждает, что такое разделение общественно организованного труда на производительный и непроизводительный – не оговорка или некое попутное высказывание К.Маркса, а его «системное», мировоззренческое представление об устройстве общественно-экономической реальности.

³⁵ «Выше (см. пятую главу) процесс труда рассматривался абстрактно, независимо от его исторических форм, как процесс между человеком и природой. Мы говорили там: «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата – продукта, то средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд – как производительный труд.

... Данное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет своё значение в применении к совокупному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности». (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое издание. Том 23, Стр. 516-517. – М.: Госполитиздат. 1960).

Почему «взятые в отдельности» (по крайней мере, некоторые из взятых в отдельности) работники не могут называться производительными? Ответ К. Маркса: потому что не все органы совокупного рабочего «непосредственно прилагают свои руки» (там же, стр. 517).

Заметим попутно: такой подход неопровержимо доказывает, что его приверженцы сводят общественную практику к материальному производству, игнорируя общественную практику в её полном объёме. Но об этом впереди.

Материальное производство, по сути дела, является у К.Маркса если не тождественным, то почти тождественным общественной практике, или преобразовательной деятельности общества. Пользуясь терминологией К.Маркса, можно было бы так выразить подход К.Маркса: материальное производство есть базис базиса, то есть пространство процессов и явлений, общественной формой которых является базис – совокупность экономических отношений

Нет необходимости оспаривать очевидное: что материальное производство есть способ (или совокупность способов) преобразования природы, что иного способа выживать и развиваться в реалиях природы у человечества просто нет. Это безусловно так. Но всё-таки не природа – причина возникновения человечества и общественного его бытия, а, напротив, человечество в своей общественной форме функционирования является причиной возникновения материального производства как способа преобразования природы. Не так ли?

Именно так. Но при обсуждении законов общественной истории происходит «перемена угла зрения». В реальной истории человечество из ряда возможных вариантов приспособления к природе путём её преобразования выбирало век за веком, поколение за поколением те варианты, которые составили фактическую историческую траекторию развития материального производства, и отвергало (не реализовывало) ряд иных вариантов, также бывших реально возможными. А в сознании обществоведа (особенно если этот обществовед – экономист и усвоил манеру смотреть на остальных обществоведов сверху вниз, как базис на надстройку) та же реальная история выглядит часто совсем иначе: потребности (логика или законы даже) развития материального производства заставили человечество переходить от одних форм общественной жизни к другим. Притом чуть ли не однозначно. Причина и следствие поменялись местами не в реальной жизни, а в представлениях обществоведа о логике и истории развития.

Что касается производительных сил, то их фетишизация ещё нагляднее, чем фетишизация материального производства. С выразительной отчётливостью, как мы видели, эта фетишизация выражена К. Марксом в «Предисловии».

Следует вдуматься, как ставится вопрос, как видится проблема прогресса общества. Производительные силы развиваются себе и развиваются, но время от времени встречаются препятствия и затруднения (торможение) со стороны общества, которое не успевает перестраиваться в соответствии ...с чем? С требованиями прогресса производительных сил? С потребностями их дальнейшего развития? Так разве производительные силы имеют какие-то свои цели, отличные от целей общества? Кто кому или что кому ставит цели, задачи? Кто кого ведёт в истории? Понятно, что имеет место взаимодействие и что причина и следствие меняются местами. Но может ли возникать такая ситуация (притом не разово, а периодически), что развитие производительных сил ставит перед собой такие задачи, что общество обязано следовать логике решения этих задач?

То, что у К.Маркса было **заложено** в подходе, у таких «марксистов», как И.В.Сталин, и у его тоталитарной партии вылилось в «стройное учение». В.И.Ленин изложил учение К.Маркса в статье «Маркс Карл»³⁶. В сентябре 1938 г. написано сразу же канонизированное произведение И.В.Сталина «О диалектическом и историческом материализме»³⁷. А далее возникло множество учебников, монографий, статей, в которых то же самое излагается и комментируется без отступления от ключевых экономико-детерминистских идей и подходов.

Экономический детерминизм и фетишизация производительных сил как фактора истории общества были доведёны во всей этой литературе до своих логических выводов.

³⁶ Ленин В.И. Полн. соб. соч. Том 26, стр. 46-81. — М.: Политиздат. 1973.

³⁷ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. — М.: Госполитиздат. 1954. Стр. 574-602.

Не удивительно, что реальная жизнь не подчиняется законам, вытекающим из экономико-детерминистских представлений. Ещё в середине 19 века К.Маркс поставил капитализму смертельный диагноз. Но строй-паразит жив до сих пор. Написано много обоснований, почему смерть капитала откладывается, хотя производительные силы «требуют» его кончины уже более полутора веков. Не пора ли осознать, что эти писания-обоснования – пустая литературщина? Не пора ли вернуться на почву исторического материализма и объяснить ход истории с историко-материалистических позиций, а не с позиций фетишизации производительных сил и материального производства? По-моему, давно пора.

Сожалею, что многими из считающих себя историческими материалистами мои объяснения будут отброшены почти «с порога», почти до серьёзного вникания в существо аргументов и в логику доказательств. Но время лечит...

Главная перемена подхода состоит в том, что не производительные силы и не развивающееся материальное производство «подбирают» себе общественную форму движения, а общество, развиваясь по своим законам и своими способами, формирует ресурсную базу, соответствующую целям и выбранным способам своего развития. Производительные силы и материальное производство в целом – это всего лишь ресурсная база общественного развития, к тому же не в полном её объёме, а лишь в той её части, которая касается целесообразного преобразования окружающего мира (природы). Есть и иные ресурсы, которые при желании можно включить в производительные силы³⁸.

³⁸ *К примеру, можно отнести науку к производительным силам, но не только естественные науки, а и гуманитарные. А чем менее достойны, в смысле отнесения к производительным силам, искусство, литература, все иные разновидности общественного сознания? Как только вы соглашаетесь, что человек – главная производительная сила, так ничему человеческому вы не можете отказать во включении в состав производительных сил. И нет нужды бояться этого расширения понятия, если трактовать*

Капитализм переменял уже несколько типов производительных сил и материального производства. Он не ограничился этими разновидностями ресурсной базы. Он базировался сперва на мануфактурном производстве, затем на машинной фабрике, затем перешёл от базирования на промышленном капитале к базированию на финансовом капитале и империалистической экономике, сейчас готовится перейти к базированию эксплуатации непосредственно и в основном на военной силе. Попутно капитал заменяет индустриальные производительные силы «постиндустриальными», в составе которых решающими становятся военные технологии. Машинно-фабричное материальное производство, которое должно было, по логике Марксовых предвидений, «потребовать» замены капиталистической общественной формы своего развития, не дождалось смены этой формы, было заменено этой «формой» на иную ресурсную базу. И промышленный пролетариат, порождённый машинным производством, если не сошёл, то сходит с исторической сцены в качестве связанного с самой передовой техникой, не осуществив миссию могильщика капитала.

Роль производительных сил и материального производства в развитии общества наверняка очень и очень существенна и значительна. Я этого не отрицаю. Я только обращаю внимание на то, что она **не такова, как представлялась** К.Марксу, Ф.Энгельсу, В.И.Ленину и их последователям, считавшим себя историческими материалистами, а на самом деле бывшим в идейном плену у экономического детерминизма. Не такова! А какова? Это стоит внимательно изучить, приняв во внимание прежде всего то, что было принято во внимание К.Марксом, но не только им. Научное изучение позволило бы отказаться от фетишизации производительных сил и материального производства, поставило бы эти реалии на их действительное место в составе исторического материализма как учения об общественном бытии.

производительные силы как ресурсную базу, а не как доминантную причину общественного развития.

Научная литература

Периодическое издание
Обществознание большинства. Выпуск 15

Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет)
Россия 119361 Москва, Озёрная улица 25 - 287
E-mail university-w@yandex.ru; brakitskiy@yandex.ru

Подписано в печать 05.02.2016 Объем 76 стр. (3,5 п.л.)
Тираж 300 экз. Распространяется бесплатно
Отпечатано на собственном ризографе